

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК ЧИТАТЕЛЯМ ОТ МЭТРА ШПИОНСКОГО РОМАНА

ЛЕОН КАЖЕ КАРРЕ

АГЕНТ НА ПЕРЕДОВОЙ

MASTER DETECTIVE

CoRpus

Так злободневно, что хочется крикнуть:
“Срочно в номер!”

THE WASHINGTON POST

Master Detective

Джон Ле Карре
Агент на передовой

«Corpus (ACT)»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Ле Карре Д.

Агент на передовой / Д. Ле Карре — «Corpus (АСТ)»,
2019 — (Master Detective)

ISBN 978-5-17-118998-3

Более полувека читатели черпали из романов Джона Ле Карре представление о настоящих, лишенных показного героизма, трудовых буднях британских спецслужб и о нравственных испытаниях, выпадающих на долю разведчика. В 2020 году мировой классик шпионского романа ушел из жизни, но в свет успела выйти его последняя книга, отразившая внутреннюю драму британского общества на пороге Брексита. Нат – немолодой сотрудник разведки, отозванный в Лондон с полевой службы. Несложная работа «в тылу» с талантливой, перспективной помощницей дает ему возможность наводить порядок в семейной жизни и уделять время любимому бадминтону. Его постоянным партнером на корте становится застенчивый молодой человек, чересчур близко к сердцу принимающий политическую повестку страны. Их зарождающаяся дружба неожиданно-негаданно приводит к самой нестандартной спецоперации в карьере бывалого оперативника. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-118998-3

© Ле Карре Д., 2019
© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	30
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джон Ле Карре

Агент на передовой

Серия «Master Detective»

© David Cornwell, 2019

© С. Таск, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

Глава 1

Наша встреча не была подстроена. Ни мной, ни Эдом, ни скрытыми руками, якобы державшими его за ниточки. Я не был мишенью, а Эд провокатором. Мы не находились под наблюдением, тайным или явным. Он бросил мне спортивный вызов. Я его принял. Пошли игры. Не было ни плана, ни конспирации, ни тайного сговора. Какие-то события в моей жизни – теперь их, правда, немного – поддаются единственному прочтению. Именно такой была наша встреча. О чем я не устал повторять, сколько бы раз меня ни заставляли ее описывать.

Субботний вечер. Баттерси, южный район Лондона. Я сижу в Атлетическом клубе, где числюсь почетным секретарем (довольно бессмысленный титул), в шезлонге с мягкой обивкой возле закрытого бассейна. Клуб, напоминающий пещеру с высокими стропилами, занимает часть бывшей пивоварни – с бассейном и баром в разных концах, а между ними проход, ведущий в раздевалки и душевые.

Я сижу лицом к бассейну и боком к бару, за которым расположен вход с улицы. Таким образом, я не могу видеть, кто входит в клуб или читает объявления в коридоре, кто там арендует корты или вписывает свои фамилии в клубный журнал. В баре оживленная атмосфера. Молодые девушки и их ухажеры распивают напитки и весело щебечут.

Я в своем обычном бадминтонном облачении: шорты, фуфайка и новенькие удобные кроссовки. Я их купил, чтобы как-то пригасить донимавшую меня боль в левой лодыжке, которую потянул, продираясь через эстонские леса месяц назад. После затяжной череды заграничных тренировок наслаждаюсь заслуженным домашним отдыхом. Над моей профессиональной карьерой нависло облако, но я стараюсь, как могу, его игнорировать. Жду, что в понедельник меня отправят на все четыре стороны. Ну и ладно, говорю я себе снова. Тебе уже сорок шесть, ты неплохо потрудились, рано или поздно это должно было случиться, так что не о чем жалеть.

Тем утешительнее, что, несмотря на солидный возраст и ноющую лодыжку, я остаюсь на троне клубного чемпиона и не далее как в прошлую субботу отстоял титул лучшего одиночника против талантливого парня. Одиночная игра считается прерогативой быстроногих двадцатилетних, но я пока держусь. Сегодня, по существующей традиции, я как вновь коронованный чемпион успешно отбил в дружеском матче с чемпионом клуба-соперника в Челси по ту сторону реки. И сейчас он отдыхает рядышком после нашей схватки, с кружкой пива в руке, такой спортивный и амбициозный молодой барристер индийского происхождения. Он держал меня в напряжении до самой развязки, когда опыт и небольшая удача все перевернули в мою пользу. Возможно, сумма этих простых фактов в какой-то степени объясняет мое благорасположение в момент, когда Эд бросил мне вызов, – а также мое чувство, пусть и недолгое, что на получении всех мыслимых удовольствий жизнь не заканчивается.

Мы с моим побежденным противником мирно болтаем. Тема – помню, как сейчас – наши отцы. Оба, как выяснилось, заядлые бадминтонисты. Его отец был всеиндийским серебряным призером, а мой, в течение одного удачного сезона, чемпионом британских вооруженных сил в Сингапуре. И вот, пока мы проводим эти забавные сравнения, я вижу, как наш администратор и бухгалтер Элис, родившаяся на Карибах, берет курс на меня. С ней очень высокий молодой человек, чье лицо я еще не вполне могу различить. Шестидесятилетняя Элис – чудаковатая осанистая особа, слегка задыхается. Мы с ней два самых старых члена клуба; я как игрок, она как главная опора. Как бы далеко меня ни заносила судьба, мы с ней непременно обменивались рождественскими открытками. И если мои послания отличались игривостью, то ее поздравления дышали святостью. Говоря «берет курс на меня», я имею в виду, что они под предводительством Элис атакуют меня сзади, поэтому им нужно сначала пройти мимо меня и лишь потом развернуться ко мне лицом. Забавно, но они это делают в унисон.

– Мистер Нат, сэр, – церемонно обращается ко мне Элис. Чаще я для нее «лорд Нат», но в тот вечер она понизила меня в звании до простого рыцаря. – Этот хорошо воспитанный юный красавец желает поговорить с вами наедине. Но он боится потревожить вас в минуту вашей славы. Его зовут Эд. Эд, поздоровайтесь с Натом.

В моей памяти Эд так и остался: стоящий в паре шагов позади нее долговязый, под метр девяносто, очкастый парень, от которого веет одиночеством, а на губах играет смущенная полуулыбка. Запомнилось двойное освещение: оранжевая полоска из бара придает ему небесное сияние, а подсвечивающие снизу фонари бассейна еще больше удлиняют его силуэт.

Он делает шаг вперед и становится реальным. Два больших неуклюжих шага – левой, правой, стоп. Элис отбывает. В ожидании слов я изображаю на лице терпеливую улыбку. Волосы темные, взъерошенные, ученически-внимательный взгляд больших карих глаз, какой-то неземной за счет очков, и длинные, до колен белые шорты, в каких обычно ходят яхтсмены или сыновья бостонской аристократии. На вид лет двадцать пять, хотя этим вечным студентам запросто может быть и меньше, и больше.

– Сэр? – наконец обращается он ко мне, и не сказать чтобы с особым почтением.

– Нат, если не возражаете, – поправляю я его с улыбкой.

Вертит в голове. Нат. Обдумывает. Морщит клювообразный нос.

– А я Эд, – выдает он, повторяя для меня уже сказанное Элис. В Англии, куда я недавно вернулся, ни у кого нет фамилии.

– Привет, Эд, – весело подхватываю я. – Чем могу быть вам полезен?

Очередная пауза, пока он это обдумывает. Затем выдает:

– Я хочу с вами сыграть. Вы ж чемпион. А я новенький. Вступил в клуб на прошлой неделе. Ага. Я записался в очередь и все такое, но пока подойдет моя очередь, это ж сколько месяцев ждать!

Слова вырываются из застенков. Он берет паузу, переводит взгляд на моего добродушного соперника и снова на меня.

– Слушайте, – напирает он, уговаривая меня, хотя возражений вроде бы не поступало. – Это ваши порядки. – От негодования градус поднимается. – Я, что ли, виноват? Я только спросил Элис. А она мне: «Спросите у него сами, он не кусается». Вот я и спрашиваю. – На всякий случай он поясняет: – Я видел, как вы играете. И разобрался кое с кем из тех, с кем разобрались вы. И даже с парочкой таких, кому вы проиграли. Уверен, что смогу вам противостоять. Без дураков, ага. Вот увидите.

Ну что вам сказать по поводу его речи? В выстраивании наших соотечественников на ступеньках социальной лестницы исходя из их выговора я не самый сильный мастер салонной игры, освященной многовековой британской традицией. Слишком уж много времени я провел за пределами родной страны. Но на слух моей дочери Стефани, твердо стоящей на позиции равноправия, речь Эда, пожалуй, звучала бы довольно сносно, то есть не свидетельствовала о частном образовании.

– А позвольте полюбопытствовать, Эд, где вы играете? – задаю я ему стандартный вопрос.

– Везде. Там, где есть приличные соперники, ага. – И вдогонку: – Я слышал, вы член клуба. В других разрешают просто поиграть за деньги, а тут нет. Тут сначала надо вступить в клуб. По-моему, это жульничество. Но я вступил. Заплатил х...ву тучу.

– Сочувствую, Эд, что вам пришлось раскошелиться, – замечаю я как можно доброжелательнее, приписав «х...ву тучу» излишней нервозности. – А против игры не возражаю. – Я уже вижу, что разговоры в баре поутихли и многие головы поворачиваются в нашу сторону. – Давайте назначим какой-нибудь день. Вы меня заинтриговали.

Но Эду этого мало.

– А вас когда устраивает? Реально. А не «какой-нибудь день», – настаивает он, чем вызывает смех в баре. Судя по гримасе, это ему неприятно.

– Эд, в ближайшую неделю или две не получится, – признаюсь более-менее честно. – У меня серьезные дела. Давно откладываемый семейный отдых, – уточняю я в надежде увидеть понимающую улыбку, но встречаю все тот же непроницаемый взгляд.

– И когда вы вернетесь?

– В следующую субботу, если обойдется без переломов. Мы едем кататься на горных лыжах.

– Куда?

– Франция. Под Межевом. Вы катаетесь?

– Катался. В Баварии. Тогда в воскресенье?

– Боюсь, это должен быть будний день, Эд, – говорю я твердо. Семейные выходные для нас с Прю наконец стали реальностью, и это святое. Сегодня – редкое исключение.

– Значит, один из будних дней через две недели, так? Какой? Выбирайте. Слово за вами. Я подстроюсь.

– Пожалуй, понедельник, – предлагаю я. По понедельникам в вечерние часы моя женушка проводит юридические инструктажи *pro bono*¹.

– Значит, понедельник, через две недели. Шесть? Семь? Во сколько?

– А вам когда удобно? – спрашиваю. – Мои планы пока в подвешенном состоянии. Может, к тому времени я вообще окажусь на улице.

– Иногда меня по понедельникам задерживают на работе, – прозвучало как жалоба. – Как насчет восьми? Восемь вечера вас устроит?

– Вполне.

– А корт номер один, если мне удастся его заказать? Элис говорит, что они не любят отдавать корт одиночкам, но вы – случай особый.

– Я согласен на любой корт, Эд, – заверяю я под очередной взрыв смеха и аплодисменты из бара – видимо, за его настойчивость.

Мы обмениваемся номерами мобильных телефонов, что всегда ставит меня перед некоторой дилеммой. Я даю ему свой семейный номер, чтобы он послал сообщение, если возникнет какая-то проблема. Он просит меня о том же.

– Э, Нат. – Напряжение в его голосе вдруг куда-то исчезло.

– Что?

– Хорошего вам семейного отдыха, о'кей? – И на случай, если я успел забыть: – В понедельник, через две недели. Восемь вечера.

Под всеобщий смех и аплодисменты Эд, беззаботно махнув рукой, отправляется в мужскую раздевалку.

– Кто-нибудь его знает? – спрашиваю я, неожиданно поймав себя на том, что повернулся и проводил его взглядом.

Все мотают головами. Извини, дружище.

– Может, видел, как он играет?

Та же реакция.

Я провожаю своего гостя и соперника и по дороге в раздевалку заглядываю к администратору. Элис склонилась перед компьютером.

– Эд. А по фамилии? – задаю я вопрос.

– Шэннон, – отвечает она, не поднимая головы. – Эдвард Стэнли. Живет в городе. Персональное членство оплатил через банк.

– Род занятий?

– Мистер Шэннон исследователь. Что или кого он там исследует, не сообщил.

– Адрес?

¹ Бесплатно (лат.).

– Хокстон, в районе Хакни. Там же, где живут мои сестры и кузина Эми.

– Возраст?

– На членство для подростков не потянул. А сколько лет перебрал, он мне не сообщил. Все, что мне известно: паренек рвется в бой, проехал на велосипеде через весь город, чтобы вызвать на бой чемпиона Южного Лондона. Он про тебя слышал и вот явился собственной персоной, как Давид к Голиафу.

– Так и сказал?

– Я сама за него додумала. Ты засиделся в чемпионах, Нат. Как и Голиаф. Тебя интересует, кто его мамаша и папаша? Какая у него ипотека? Сколько он отсидел?

– Доброй ночи, Элис. И спасибо.

– И тебе, Нат, того же. Не забудь передать от меня сердечный привет Прю. Не стоит так дергаться из-за парня. Ты его сделаешь, как всех этих молокососов.

Глава 2

Если бы это было официальное личное дело, то я бы начал с полного имени Эда, его родителей, даты и места рождения, рода занятий, религиозных убеждений, расовой принадлежности, сексуальной ориентации и прочих важных данных, отсутствовавших в компьютере Элис. А так начну с собственной персоны.

Я был крещен как Анатолий, позже это имя превратилось в английское Натаниель, для краткости Нат. Рост сто семьдесят пять сантиметров, гладко выбрит, клочковатые волосы тронуты сединой, женат на Прюденс, специалисте по общим правовым вопросам в давно существующей фирме участливых лондонских поверенных, в основном ведущих дела малообеспеченных клиентов.

Я стройный, хотя Прю предпочитает слово «жилистый». Спортивный. Кроме бадминтона, бегаю трусцой и раз в неделю занимаюсь в тренажерном зале, закрытом для широких масс. Обладаю грубоватым обаянием и, как человек светский, располагаю к себе. По внешнему виду и манере поведения типичный британец, быстро завоевываю людей с помощью убедительных аргументов. Легко приспосабливаюсь к обстоятельствам и не испытываю непреодолимых угрызений совести. Порой вспыльчив. Неустойчив перед женскими чарами. По природе не расположен к канцелярской работе и сидячему образу жизни, и это еще мягко сказано. Бываю прямолинеен и не склонен к дисциплине. Что может считаться как недостатком, так и достоинством.

Это я цитирую конфиденциальные отчеты моих начальников, оценивающих мою деятельность и характер в целом за последние двадцать пять лет. Вам также будет интересно узнать, что в случае чего я способен проявить необходимую жесткость – до какой степени и по чьему приказу, не уточняется. По контрасту тактичен и вызываю доверие.

Если все это перевести на более житейский уровень, то я британский подданный смешанных кровей, единственный в семье ребенок, родившийся в Париже. В момент моего зачатия покойный отец был малоимущим майором шотландской гвардии, приписанной к штабквартире НАТО в Фонтенбло, а мать – дочерью неприметных аристократов-белогвардейцев, осевших в Париже. Белогвардейцы с большой примесью немецкой крови по отцовской линии, каковой факт она по настроению то вспоминала, то отрицала. Если верить семейной хронике, родители познакомились на приеме, устроенном последней горсткой самопровозглашенного русского правительства в изгнании, когда мать еще называла себя юной художницей, а отцу было под сорок. Наутро они решили пожениться, по крайней мере по словам матери, и, судя по ее скоропалительным решениям в других областях, у меня нет оснований ей не верить. После довольно скорой демобилизации – так как у моего влюбленного отца, помимо жены, наметились и другие обременения – новобрачные поселились в Нёйи-сюр-Сен под Парижем, в милом белом домике, предоставленном дедом и бабушкой по маминой линии, где я вскоре и появился на свет, что позволило маме поменять свои приоритеты.

Напоследок я оставил величественную, умудренную опытом особу, учившую меня славной родной речи, мою воспитательницу, а точнее даже гувернантку мадам Галину, по слухам графиню откуда-то с Волги, потерявшую все свое состояние, с претензиями на романовскую кровь. Как ее занесло в наш беспокойный дом, ума не приложу, могу лишь догадываться, что она была брошенной любовницей моего двоюродного деда по матери, который бежал из тогдашнего Ленинграда, сколотил новое состояние на торговле предметами искусства и окружал себя красивыми женщинами.

Мадам Галина появилась в нашем доме ровно в пятьдесят лет – такая дородная, но с кошачьей улыбочкой. Она носила длинные платья из шуршащего черного шелка и шляпки собственного изготовления, а жила в двух комнатках на чердаке, где хранила все свое имущество:

граммофон, иконы, черный как смоль рисунок Богоматери работы, как она утверждала, самого Леонардо да Винчи, бесчисленные коробки со старыми письмами и фотографиями предков – графов и графинь в окружении собак и слуг на заснеженных просторах.

Приставленная ко мне мадам Галина знала несколько языков, и это была ее страсть. Не успел я освоить азы английского правописания, как на меня обрушилась кириллица. На ночь она мне читала вариации одной сказки на разных языках. На парижских собраниях потомков русской знати и эмигрантов из Советского Союза, число которых таяло на глазах, я выступал как ее мальчик-полиглот, живой пример для подражания. Считается, что я говорю по-русски с французскими интонациями, по-французски с русскими, а по-немецки с теми и другими, причем не очень хорошо. Что до английского, то он, как ни крути, достался мне от отца. Кто-то в нем даже слышит шотландские каденции... спасибо хоть не пьяный рык, характерный для покойного батюшки.

Когда мне пошел двенадцатый год, его подкосили онкология и меланхолия, и я помогал мадам Галине ухаживать за ним, в то время как мать закрутила роман с богатым ухажером, бельгийским торговцем оружием, который мне сразу не понравился. После смерти отца образовался нескладный треугольник, в котором меня посчитали третьим лишним и отправили на его родину: сначала на каникулы к строгой тетушке, а с возобновлением занятий – в спартанскую школу-интернат в Северной Шотландии. Несмотря на отчаянные усилия преподавателей сделать меня отстающим по всем предметам, я сумел поступить в университет в индустриальном районе Центральной Англии, где совершил первые неуклюжие шаги в общении с женским полом и нацарапал незатейливую дипломную работу по славистике.

А последние двадцать пять лет я являюсь действующим членом британской разведслужбы – проще говоря, Конторы.

■

По сей день моя вербовка под тайные знамена кажется мне предопределенной, поскольку не помню, чтобы я рассматривал какие-то другие варианты или мечтал еще о чем-то, ну разве что о бадминтоне или покорении Кернгормских вершин. Когда мой университетский преподаватель осторожно поинтересовался за бокалом теплого белого вина, не рассматриваю ли я возможность сделать что-то «по-тихому для своей страны», мое сердце радостно забилося, и сразу вспомнилась темная квартира на бульваре Сен-Жермен, где мы с мадам Галиной каждое воскресенье навещали моего отца до самой его смерти. Именно там я впервые возбудился от антибольшевистских конспиративных разговоров моих троюродных братьев, дядьев и двоюродных бабушек, которые с горящими глазами шепотом шепотом обсуждали новости из отечества, где мало кто из них вообще бывал... а в какой-то момент, вспомнив о моем присутствии, они призывали меня поклясться, что я никому не выдам эти секреты, даже если их смысл мне непонятен. Там же зародился мой живой интерес к кровному родственничку, русскому Медведю – огромному, многоликому и непостижимому.

В почтовом ящике я нахожу вежливое письмо, приглашающее меня посетить здание с портиком неподалеку от Букингемского дворца. Адмирал королевского флота в отставке, сидящий за столом сродни оружейной башне, спрашивает меня, каким спортивным играм я отдаю предпочтение. Бадминтону, отвечаю, на что следует живая реакция.

– А вы знаете, что я играл в бадминтон с вашим уважаемым отцом в Сингапуре и он разбил меня в пух и прах?

– Нет, сэр, – признаюсь, – не знал. – А сам думаю, не следует ли мне за него извиниться. Кажется, мы поговорили о чем-то еще.

– А где бедняга похоронен? – спрашивает он, когда я уже собираюсь уйти.

– В Париже, сэр.

– Вот как. Желаю удачи.

Мне приказано появиться на железнодорожной станции «Бодмин-Парквей» с журналом «Спектейтор» недельной давности в руке. Убедившись, что все нераспроданные экземпляры были возвращены оптовику, я прихватываю номер из местной библиотеки. Мужчина в зеленой фетровой шляпе спрашивает меня, когда отходит ближайший поезд в Камборн. Я отвечаю, что не могу ему ничем помочь, так как еду в Дидкот. И следую за ним на расстоянии до парковки, где нас уже поджидает белый фургон. После трех дней жестких допросов и чопорных ужинов, где проверялись моя общительность и алкогольная стойкость, я должен предстать перед большим синклитом.

– Итак, Нат, – начинает седая дама, сидящая в центре стола. – Мы вас обо всем подробно расспросили, а у вас к нам есть какие-нибудь вопросы?

– Вообще-то да, – отвечаю я, перед этим для вида хорошо подумав. – Вы спрашивали, можете ли вы рассчитывать на мою лояльность. А я могу рассчитывать на вашу?

Она улыбается, а следом за ней и остальные – с легкой грустью раздвинутые уголки рта... своего рода одобрительный сигнал, который позволяет себе Контора.

Бойкий на язык даже под давлением. Хорошая внутренняя агрессия. Рекомендован.

■

В том же месяце, когда я прошел базовый тренинг по овладению разными тайными искусствами, мне посчастливилось познакомиться с Прюдент, моей будущей женой. Наша первая встреча не выглядела многообещающей. После смерти отца из семейного шкафа вывалилась целая куча скелетов. Сводные братья и сестры, о которых я раньше слыхом не слыхивал, заявили свои права на нашу собственность, уже четырнадцать лет оспариваемую в судах и начисто разворованную шотландскими попечителями. Тогда приятель мне порекомендовал лондонскую адвокатскую фирму. Пять минут послушав мои стенания, совладелец фирмы позвонил в колокольчик.

– Один из наших лучших молодых адвокатов, – заверил он меня.

Вскоре дверь открылась, и в комнату вошла женщина моего возраста. Она была в суровом черном брючном костюме, какие предпочитают дамы ее профессии, учительских очках и черных армейских ботинках миниатюрного размера. Мы обменялись рукопожатием. Она на меня даже толком не взглянула. Под цокот тяжелых ботинок я проследовал за ней в каморку. На двери с матированным стеклом красовалась табличка: «Мисс П. Стоунвей, бакалавр юридических наук».

Мы садимся друг против друга, она с суровым видом убирает за уши свои каштановые локоны и достает из выдвижного ящика желтый линованный блокнот.

– Ваша профессия?

– Состою на дипломатической службе ее величества, – отвечаю я и почему-то краснею.

А дальше лучше всего помню ее прямую спину, решительный подбородок и луч света, играющий на волосках у нее на щеке, пока я излагаю одну за другой грязные подробности нашей семейной саги.

– Я могу вас называть Натом? – спрашивает она меня в конце нашего первого разговора.

– Да, можете.

– Меня все называют Прю, – признается она и назначает дату следующей встречи через две недели, на которой таким же бесстрастным тоном рассказывает о результатах своих изысканий.

– Чтобы вы понимали, Нат: даже если завтра все недвижимое имущество вашего покойного отца окажется в ваших руках, вам этого не хватит даже на то, чтобы оплатить расходы нашей фирмы, не говоря уже о том, чтобы урегулировать проблемы с вашими истцами. Но! –

продолжает она, опережая мои заверения, что больше я ее не побеспокою. – В уставе нашей фирмы есть пункт о ведении важных дел малообеспеченных клиентов на бесплатной основе. И я рада сообщить, что ваше дело попало в эту категорию.

Она назначает мне следующую беседу через неделю, однако я вынужден эту встречу отложить. Я должен внедрить латвийского агента на станцию радиоконтроля Красной армии в Белоруссии. По возвращении на родные берега я звоню Прю и приглашаю ее на ужин, на что получаю короткую отповедь: отношения нашей фирмы с клиентом строятся исключительно на деловой основе. Однако она счастлива мне сообщить, что в результате их действий все претензии ко мне сняты. Я рассыпаюсь в благодарностях и спрашиваю, не открывает ли это дорогу для нашего совместного ужина. Ответ положительный.

Мы встречаемся в «Бианки». Она в летнем платье с большим вырезом, волосы распущены, и все в ресторане, мужчины и женщины, не спускают с нее глаз. Я быстро смеаю, что мой обычный треп не прокатывает. Мы только приступили к главному блюду, а мне уже прочитана целая лекция о разрыве между законом и справедливостью. Когда приносят счет, она берет его в руки, подсчитывает свою половину до последнего пенни, добавляет десять процентов чаевых и расплачивается со мной наличными. Я заявляю с напускным возмущением, что еще никогда не сталкивался с такой беззастенчивой честностью, и она от смеха чуть не падает со стула.

Спустя шесть месяцев, получив предварительное одобрение начальства, я спрашиваю ее, готова ли она выйти замуж за шпиона. И получаю согласие. Теперь черед моей Конторы пригласить ее на ужин. Через две недели она мне сообщает, что решила приостановить свою юридическую карьеру и пройти спецподготовку для супруг с последующим размещением во враждебном окружении. Я должен знать, что она приняла это решение по убеждению, а не из любви ко мне. После серьезных колебаний победило чувство долга перед страной.

Спецподготовку она проходит с отличием. И через неделю я получаю назначение на должность второго секретаря (по торговым вопросам) британского посольства в Москве, куда еду вместе с супругой. Забегая вперед, скажу, что Москва осталась нашим единственным совместным проектом. Но вовсе не потому, что Прю как-либо недостойно себя проявила. О причинах я еще скажу.

Больше двух десятилетий, сначала вместе с Прю, а потом один, я служил моей королеве под дипломатическим или консульским прикрытием в Москве, Праге, Бухаресте, Будапеште, Тбилиси, Триесте, Хельсинки и совсем недавно в Таллине, рекрутируя секретных агентов всех мастей и координируя их работу. Меня никогда не приглашали в высокие кабинеты, где принимаются решения, и слава богу. Куратор по природе своей человек вольный. Он может получать приказы из Лондона, но в поле он хозяин судьбы как подчиненных ему агентов, так и своей собственной. И когда активная карьера шпиона-путешественника заканчивается (то есть ему под пятьдесят, перебирать бумажки он не любит и всю жизнь проработал дипломатом средней руки без соответствующего диплома), рассчитывать ему особенно не на что.

■

Скоро Рождество. Пришел день моей расплаты. В катакомбах штаб-квартиры Конторы, что рядом с Темзой, меня сопровождают в душную комнатку, где встречает улыбающаяся умная женщина неопределенного возраста. Это Мойра из отдела кадров. В этих Мойрах есть что-то от инопланетян. Они знают о тебе больше, чем ты сам, но никогда не открывают подробностей и не говорят о своем к этому отношении.

– Ваша Прю. – Мойра вперивает в меня пронизательный взгляд. – Как она пережила недавнее слияние ее юридической конторы с другой фирмой? Ее это наверняка огорчило.

– Спасибо, Мойра, но ее это несколько не огорчило, и мои поздравления в связи с проделанной домашней работой. Ничего другого я от вас не ждал.

– Она в порядке? И вы тоже? – В ее голосе звучит нотка озабоченности, которую я предпочитаю проигнорировать. – После вашего благополучного возвращения.

– Все отлично, Мойра. Счастливое воссоединение. Спасибо.

А теперь, пожалуйста, зачитай мой смертный приговор и давай с этим покончим. Но у Мойры свои методы. Следующая в ее списке моя дочь Стефани.

– А с болезнями роста покончено? Она нормально учится в университете?

– Спасибо, Мойра. Никаких проблем. Преподаватели от нее в восторге.

А про себя думаю: когда уже ты мне скажешь, что выбрала этот четверг, поскольку пятницу никто не любит, чтобы устроить мне прощальную вечеринку? Как насчет стаканчика холодного кофе дальше по коридору, в отделе по трудоустройству демобилизованных, где мне предложат потрясающую вакансию в военной индустрии, или контрактной фирме, или еще в каких-то специальных местах для бывших шпионов вроде Национального фонда, Автомобильной ассоциации или частной школы, ищущей помощника казначея? Вот почему она застаёт меня врасплох, когда радостно объявляет:

– Между прочим, Нат, у нас для вас есть одна работенка, если, конечно, вы готовы.

Готов? Мойра, да я к ней готов, как никто. Вот только с большими оговорками, поскольку, кажется, я знаю, что ты мне собираешься предложить, и мои подозрения перерастают в уверенность после ее детской затравки насчет очередной русской угрозы:

– Нат, надо ли мне вам говорить о том, как нас уже достал московский Центр в Лондоне и везде, где только можно?

Нет, Мойра, не надо. Об этом я рассказываю Конторе уже много лет подряд.

– Они стали вреднее, наглее и назойливее, чем когда-либо. Вы согласны с такой оценкой?

Да, Мойра, согласен. Прочитай мой отчет о поездке в солнечную Эстонию.

– А после того как мы дали поджопника целой своре их легальных шпионов, – речь, как в моем случае, идет о дипломатическом прикрытии, – они нас забросали нелегалами, – с негодованием продолжает она, – а это, я думаю, вы со мной согласитесь, особенно мерзкие типы, и их чрезвычайно трудно вывести на чистую воду. У вас есть вопросы?

Почему бы не спросить. Я ничего не теряю.

– Пока мы не развили эту тему, Мойра.

– Да?

– Я вдруг подумал, не найдется ли мне местечко в Русском отделе. Мы с вами знаем, что они полностью укомплектованы крепкой молодежью, занимающейся рутинной. А как насчет опытного пожарника, проверенного русскоговорящего вроде меня, готового по мановению руки рвануть в любую точку и проверить на зуб любого потенциального русского перебежчика или агента, если таковой явится в отделение, где никто не знает ни слова по-русски?

Но Мойра уже мотает головой:

– Боюсь, что никаких шансов, Нат. Я поднимала этот вопрос с Брином. Он твердо стоит на своем.

В Конторе есть только один Брин, полное имя Брин Сайкс-Джордан, а для всех попросту Брин Джордан, пожизненный глава Русского отдела и некогда мой начальник в британском посольстве в Москве.

– И почему же никаких шансов? – не отстаю я.

– Вы отлично знаете почему. Средний возраст в Русском отделе, даже с учетом Брина, составляет тридцать три года. Большинство со степенью, мыслят по-новому, разбираются в компьютерах. При всех ваших достоинствах вы не вполне отвечаете этим критериям. Не так ли, Нат?

– А Брин, случайно, не здесь? – хватаюсь я за последнюю соломинку.

– Брин Джордан в данную минуту по уши занят в Вашингтоне, где он делает все возможное, чтобы спасти наши отношения с трамповским разведывательным сообществом, поставленные под угрозу после Брексита, и его нельзя беспокоить ни при каких обстоятельствах, даже вам. Кстати, он вам передает самые теплые приветы и свое сочувствие. Понятно?

– Понятно.

– Но, – лицо ее оживает, – есть одна вакансия, на которую вы можете отлично претендовать. Даже более чем.

Вот мы и приехали. Сейчас последует кошмарное предложение, которого я ждал с самого начала.

– Простите, Мойра, – вклиниваюсь я. – Если речь идет об отделе полевой подготовки, то я вешаю плащ на гвоздь. Очень любезно с вашей стороны, спасибо за заботу и все такое.

Похоже, я ее обидел, и мне приходится приносить дополнительные извинения и выражать уважение достойнейшим мужчинам и женщинам в этом отделе, однако спасибо, в смысле, спасибо, не надо – и тут ее лицо неожиданно озаряет теплая, чтобы не сказать сострадательная, улыбка.

– Вообще-то речь не идет об отделе полевой подготовки, Нат. Хотя вы, не сомневаюсь, были бы там весьма полезны. С вами очень желает поговорить Дом. Или передать ему, что вы повесили плащ на гвоздь?

– Дом?

– Доминик Тренч, недавно назначенный главой Лондонского управления. Когда-то ваш начальник в Будапештском отделе. Он говорит, что ваши с ним чувства вспыхнули тогда как пожар. И снова вспыхнут, я уверена. Почему вы на меня так смотрите?

– Вы не шутите? Дом Тренч назначен главой Лондонского управления?

– Нат, неужели я стала бы вам лгать?

– Когда это произошло?

– Месяц назад. Пока вы затаились в своем Таллине и не читали наши выпуски новостей. Дом ждет вас завтра ровно в десять. Согласуйте свой визит с Вив.

– Вив?

– Его помощницей.

– Разумеется.

Глава 3

– Нат! Отлично выглядишь! Моряк вернулся домой из дальнего плавания. В отличной форме, больше двадцати пяти не дашь! – Доминик Тренч вышел из-за директорского стола и трясет мою ладонь обеими руками. – Вот он, результат занятий фитнесом. Прю в тонусе?

– Стараются, Дом. А как Рэйчел?

– Отлично. Я счастливейший из мужчин. Ты должен с ней увидеться. Вместе с Прю. Устроим-ка мы ужин вчетвером. Вы будете от нее без ума.

Рэйчел. Первая среди равных, важная шишка в партии тори, вторая жена, недавно в браке.

– А как дети? – спрашиваю осторожно. От милейшей первой жены у него двое детей.

– Лучше не бывает. Сара учится на отлично в школе Южного Хэмпстеда. Впереди маячит Оксфорд.

– А Сэмми?

– Переходный возраст. Скоро из него выйдет и последует за старшей сестрой.

– Ну а Табби, если можно спросить? – Табита его первая жена. Когда он от нее ушел, она была на грани нервного срыва.

– Держится достойно. Насколько мне известно, в ее жизни никто не появился, но надежды не теряем.

Сдается мне, что такой Дом присутствует в жизни каждого человека: мужчина, именно мужчина, который отводит тебя в сторонку, объявляет своим лучшим другом, посвящает в свою личную жизнь, о которой ты предпочел бы ничего не знать, спрашивает твоего совета и, не дождавшись ответа, клянется именно так и поступить, а завтра пускает тебя под нож. Пять лет назад, в Будапеште, ему было под тридцать, и сейчас на вид столько же: этакий лощеный крупье, рубашка в полосочку, желтые подтяжки, больше впору парню помоложе, белые манжеты, золотые запонки и улыбочка на все случаи жизни. Все та же раздражающая привычка: сложив перед собой пальцы умильным домиком, откинуться на спинку стула и одарить тебя рассудительной улыбкой.

■

– Мои поздравления, Дом, – говорю я, показывая на кресла для высокого начальства и керамический кофейный столик для третьего уровня и выше.

– Спасибо, Нат. Ты очень любезен. Это застигло меня врасплох, но если зовут, надо идти. Кофе? Чай?

– Кофе, пожалуйста.

– Молоко? Сахар? Молоко соя, кстати.

– Без сои. Просто черный. Спасибо.

Почему не сказать «соевое»? Или «соя» – это такая модная версия? Он просовывает голову за дверь из рифленого стекла, перебрасывается несколькими репликами с Вив и принимает прежнее положение.

– В Лондонском управлении все по-старому? – интересуюсь я как бы между прочим, помня, как Брин Джордан однажды при мне назвал эту службу приютом для потерявшихся собак.

– Да, Нат. Все по-старому.

– Значит, все базирующиеся в Лондоне отделения номинально находятся под твоим командованием.

– Не только в Лондоне. В Великобритании. За исключением Северной Ирландии. И при этом, что приятно, мы сохраняем свою автономность.

– Автономность только административную? Или оперативную тоже?

– В каком смысле, Нат? – Он хмурится, как будто я вышел за рамки приличия.

– Ты можешь как глава Лондонского управления проводить собственные операции?

– Тут границы размыты, Нат. На сегодняшний день любая операция, предложенная местным отделением, теоретически должна быть утверждена соответствующим региональным управлением. С чем я борюсь по сей день.

Он улыбается мне. Я улыбаюсь ему. Схватка началась. Мы синхронно отпиваем свой кофе без сои и ставим чашки на блюдца. Сейчас он со мной поделится ненужными подробностями своей интимной близости с новой женой? Или объяснит, почему я здесь? Нет, еще не время. Для начала надо перетереть бывшее: наши общие агенты, я был их куратором, а он моим никчемным начальником. Первым в его списке значится Полоний из «шекспировского круга». Несколько месяцев назад, будучи по делам в Лиссабоне, я навестил старика Полония в Алгарве, в его доме рядом с пустующим полем для гольфа. Дом, где каждое слово отзывается эхом, был приобретен для него Конторой по условиям выхода на пенсию.

– У него все хорошо, Дом, – заверяю я от души. – Никаких проблем с новым именем. Уже отошел после смерти жены. Я бы сказал, все нормально.

– В твоих словах, Нат, слышится «но», – говорит он мне с упреком.

– Вообще-то мы обещали ему британский паспорт, если ты помнишь, Дом. Похоже, в суеде после твоего возвращения в Лондон об этом как-то подзабыли.

– Завтра же этим займусь. – В доказательство Дом делает себе пометку в блокноте.

– А еще он немного расстроен тем, что его дочь не попала в Оксбридж². Все, что от нас требовалось, считает он, это маленький толчок, которого мы не сделали. Или ты не сделал. Так, во всяком случае, ему кажется.

Дом никогда не выглядит виноватым. Обычно он выбирает между «я оскорблен» и «я тут ни при чем». Сейчас останавливается на первом.

– Каждый университет принимает свое решение, Нат, – устало говорит он. – Многие думают, что они единое целое, но это не так. Люди ходят от одного к другому с протянутой рукой. Я прослежу. – Следует очередная пометка в блокноте.

Вторая в его списке Далила, колоритная венгерка, за семьдесят, член парламента, которая предпочла русскому рублю британский фунт еще до его падения.

– Далила в отличной форме, Дом, просто в отличной. Узнав, что мне на смену пришла женщина, сочла это перебором. Пока, говорит, вы меня «вели», мне казалось, что любовь ждет меня за углом.

Дом осклабился и передернул плечами, помня о ее многочисленных любовниках, однако удержался от смеха. Глотнул еще кофе. Поставил чашку на блюдце.

– Нат. – В голосе звучит нотка обиды.

– Что, Дом?

– Я правда считаю, для тебя это было бы по-настоящему яркой вспышкой.

– Это еще почему, Дом?

– Господи! Я тебе предлагаю золотую возможность своими руками реорганизовать внешнее русское отделение, которое слишком долго находилось в тени. С твоим опытом ты это сделаешь за какие-нибудь полгода. Вот оно, творчество, оперативный простор и твой конек. Чего еще можно желать в такой период жизни?

– Что-то я тебя не понимаю, Дом.

² Оксбридж – Оксфордский и Кембриджский университеты, старейшие и самые престижные в Великобритании. (Здесь и далее – прим. перев.)

– Не понимаешь?

– Нет.

– Хочешь сказать, тебя не ввели в курс дела?

– Они сказали, чтобы я пришел поговорить с тобой. Я пришел. Вот, собственно, и всё.

– То есть ты не в курсе? О господи. Иногда я себя спрашиваю, каким местом они там думают, в отделе кадров. Ты говорил с Мойрой?

– Может, она посчитала, что будет лучше, если я это услышу от тебя, Дом. Ты, кажется, что-то сказал про внешнее русское отделение, которое слишком долго находилось в тени. Если речь идет о Гавани, то это не внешнее отделение, а мертвая подстанция под эгидой Лондонского управления, мусорная свалка для перемещенных дезертиров, которым уже грош цена, и средней руки информаторов, покотившихся по наклонной плоскости. Казначейство вроде как собиралось его ликвидировать, да, видно, запаматовало. И вот это ты мне всерьез предлагаешь?

– Гавань – далеко не свалка, Нат. По моим меркам. Да, там найдется пара служаек, из которых песок сыплется, согласен. И есть источники, которые пока себя не реализовали. Но есть и первоклассный материал для того, кто знает, где искать. И очень даже возможно, – словно вдруг вспомнил, – сделать себе имя в Гавани и заслужить повышение в Русский отдел.

– А сам ты, случайно, не рассматриваешь такую перспективу, Дом? – спрашиваю я.

– Какую, старина?

– Карьерный рост в Русский отдел. За счет Гавани.

Он хмурится и неодобрительно надувает губы. Я вижу его насквозь. Должность в Русском отделе – желательно во главе одного – мечта его жизни. Но не потому, что он знает эту область, обладает опытом или говорит по-русски. Ни первого, ни второго, ни третьего. Обычный городской парень без всяких лингвистических способностей, вскочил в уходящий поезд, а зачем его вообще взяли, он и сам, я думаю, не понимает.

– Ежели, Дом, ты всерьез об этом подумываешь, то я готов совершить такое путешествие с тобой за компанию, коли не возражаешь. – Я его поддавливаю, то ли игриво, с издевочкой, то ли сердито, сам не знаю. – А может, ты собираешься отодрать наклейки с моих отчетов и присобачить их на свой собственный, как ты это сделал в Будапеште? Просто спрашиваю.

Он обдумывает мои слова, то есть сначала разглядывает меня поверх сложенных домиком пальцев, потом устремляет взор куда-то мимо и снова переводит на меня, словно желая убедиться, что я еще здесь.

– Вот мое предложение, Нат, в качестве главы Лондонского управления. Хочешь – соглашайся, не хочешь – не надо. Я официально предлагаю тебе занять место Джайлса Уокфорда в качестве главы подстанции Гавань. Пока я являюсь твоим временным начальником, ты находишься в моем распоряжении. К тебе переходят агенты Джайлса и все подотчетные средства. А также представительские расходы или что там от них осталось. Я бы тебе советовал хвататься обеими руками, а отпуск продолжить как-нибудь в другой раз. Что скажешь?

– Не получается, Дом.

– Это еще почему?

– Я должен переговорить с Прю.

– И когда ты с ней поговоришь?

– Наша дочь Стефани скоро отмечает свое девятнадцатилетие. Я обещал свозить ее и Прю на недельку покататься на горных лыжах, прежде чем она вернется в Бристольский университет.

Он подается вперед и с театральной озабоченностью заглядывает в настенный календарь:

– Когда, говоришь?

– У нее начинается второй семестр.

– Я спрашиваю, когда вы уезжаете на каникулы?

– Суббота, пять утра, со станции «Станстед», если ты хочешь к нам присоединиться.

– Предположим, вы с Прю переговорите и придете к положительному решению. А я попробую удержать Джайлса на месте еще на недельку, если, конечно, он не пожелает упорхнуть раньше времени. Ты будешь доволен или нет?

Хороший вопрос. Буду ли я доволен? Я остаюсь в Конторе, работаю с прицелом на Россию, пусть даже питаюсь обедками с его стола.

А вот будет ли довольна Прю?

■

Сегодняшняя Прю – это уже не та преданная жена «конторщика» двадцатилетней давности. Хотя по-прежнему бескорыстная и прямая. Такая же веселая, когда позволяет себе расслабиться. И готовая служить на благо миру, но только не секретной службе. Отличный адвокат среднего ранга. А когда-то она прошла курсы противодействия средствам наблюдения, аварийной сигнализации и использования конспиративных почтовых ящиков для передачи спецматериалов, а также сопровождала меня в Москву. В течение четырнадцати напряженных месяцев мы вместе боролись с постоянным стрессом, зная, что наши самые интимные разговоры прослушиваются, просматриваются и анализируются на предмет проявлений человеческой слабости или несоблюдения правил безопасности. Под чутким руководством главы отдела – того самого Брина Джордана, которого спешно призвали на заседания обеспокоенного конклава наших партнеров-разведчиков в Вашингтоне, – она исполняла свою роль в срежиссированных сценках из супружеской жизни, призванных обмануть вражеских перехватчиков.

Но во время нашего второго пребывания в Москве Прю забеременела, а с этим пришло резкое разочарование в Конторе. Всю жизнь заниматься обманом... у нее пропало такое желание, если оно вообще когда-то было. А еще она не желала, чтобы ребенок родился на чужой земле. И мы вернулись в Англию. Может, после родов передумает, сказал я себе. Но я плохо знал свою жену. В день, когда родилась Стефани, отец Прю умер от инфаркта. Благодаря его завещанию она тут же выкупила викторианский дом в Баттерси с большим садом и яблоней. Знак был дан более чем красноречивый: «Теперь я живу здесь!» Наша дочь Стеф, как мы ее вскоре окрестили, не станет дипломатическим ребенком, каких мы много видим вокруг – брошенных на нянек, таскаемых за родителями из страны в страну, перебрасываемых из одной школы в другую. Она займет свое законное место в обществе и будет ходить исключительно в государственную школу, никаких тебе частных заведений или пансионатов.

И чем же теперь займется Прю? Продолжит то, что бросила. Станет юристом по защите прав человека, защитницей угнетенных. Но ее решение не означало внезапного разрыва. Она разделяла мою любовь к королеве, родной стране и родной службе. Я разделял ее любовь к закону и справедливости. Она отдала Конторе что могла, больше не просите. С первых дней нашего брака она была не из тех жен, которые рвутся на рождественскую вечеринку у шефа, или на похороны высокопоставленного коллеги, или на званый вечер для младших сотрудников и их семей. Что до меня, то я никогда не чувствовал себя своим на посиделках с ее коллегами радикальных взглядов.

Но разве мы могли предвидеть, что посткоммунистическая Россия снова, вопреки всем надеждам и ожиданиям, станет недвусмысленной угрозой либеральной демократии во всем мире, а значит, командировки будут следовать одна за другой и я, муж и отец, буду все свое время проводить вне дома?

Но сейчас-то моряк вернулся домой, как любезно выразился Дом. Последние годы стали для нас обоих, а для Прю в особенности, серьезным испытанием, и у нее были все основания рассчитывать на то, что я осел на суше навсегда и начну новую жизнь в «реальном мире», как она повторяла, пожалуй, слишком часто. Мой бывший коллега открыл в Бирмингеме клуб

путешествий для детей с физическими недостатками и божился, что никогда еще не был так счастлив. Не говорил ли я раньше, что сам о чем-то таком подумываю?

Глава 4

В оставшиеся дни перед нашим предрассветным отъездом из Станстеда я ради сохранения семейной гармонии изображал, что обдумываю, согласиться ли на эту тоску смертную, которую мне предлагает Контора, или поставить жирную точку, о чем давно говорила Прю. Она терпеливо ждала. А Стеф заявила, что ей без разницы. В ее глазах я среднестатистический бюрократ без шансов чего-то добиться, какие бы усилия ни прилагал. Она меня любила, но немного свысока.

– Давай, браток, смотреть правде в лицо. Они ведь не пошлют нас в Пекин, где ты будешь послом, и не дадут тебе рыцарского звания, правда? – весело обратилась она ко мне во время обсуждения этой темы за ужином. Я, как всегда, стойко принял удар. Дипломат за границей – это, по крайней мере, статус. А возвращаясь на родину, я превращаюсь в серую массу.

Лишь на второй вечер, уже в горах, пока Стеф развлекалась с итальянскими подростками из нашей гостиницы, а мы с Прю тихо наслаждались сырным фондю и парой рюмашек кирша в «Марселе», мною овладело непреодолимое желание раскрыть перед женой карты по поводу поступившего от Конторы предложения – по-настоящему открыться, а не ходить вокруг да около, как я собирался, не сочинять очередную легенду, а рассказать ей все как есть. После всего, что Прю со мной испытала за столько лет, она заслужила хотя бы этого. По ее молчаливой отрешенности нетрудно было догадаться, что она уже поняла, насколько я далек от того, чтобы открыть клуб для детишек-инвалидов, мечтающих о путешествиях.

– Это одна из тех захиревших подстанций, которые почивали на лаврах славных дней холодной войны и с тех пор палец о палец не ударили, – начинаю я мрачно. – Такой мультяшный Микки-Маус, которого от мейнстрима отделяют десятки световых лет, и мне предстоит либо поставить его на ноги, либо поскорей проводить на кладбище.

В тех редких случаях, когда мы с Прю заводим разговор о Конторе, трудно понять, плыву я по течению или против. Поэтому стараюсь опробовать оба варианта.

– Мне казалось, ты всегда говорил, что не стремишься быть начальником, – мягко возражает она. – Ты предпочитал оставаться на вторых ролях, вместо того чтобы бить баклуши и командовать.

– Я бы не сказал, Прю, что это кресло начальника, – заверяю ее осторожно. – Я так и останусь на вторых ролях.

– Тогда в чем проблема? – Ее лицо светлеет. – Брин будет держать тебя на плаву. Ты же всегда восхищался Брином. Мы оба. – Она великодушно забывает на время о своих предубеждениях.

Мы обмениваемся ностальгическими улыбочками, вспоминая наш короткий шпионский медовый месяц в Москве под его бдительным присмотром и чутким руководством.

– Вообще-то Брин не будет моим непосредственным начальником, Прю. Теперь он все-российский царь. Вставной номер вроде Гавани – это не его уровень.

– И кто же тогда тот счастливчик, который будет отдавать тебе приказы? – интересуется она.

Это уже выходит за пределы моих чистосердечных признаний. Для нее Дом – запретная тема. Она познакомилась с ним, когда приезжала ко мне вместе со Стеф в Будапешт с коротким визитом, и ей хватило одного взгляда на его потерянную жену и детей, чтобы все про него понять.

– Официально меня будет курировать так называемое Лондонское управление, – объясняю я. – А в реальности, если возникнет что-то серьезное, лестница приведет к Брину. Это продлится, только пока я им нужен, Прю. Ни днем больше, – говорю как бы в утешение, но кого я утешаю – ее или себя, – не очень понятно.

Она подцепляет вилочкой фондю, пригубливает винцо, потом добавляет кирша и, таким образом укрепившись, протягивает обе руки и берет в них мои. Догадалась о Доме? Проинту-ичила? Она могла бы податься в экстрасенсы. Ее прозрения иногда меня пугают.

– Вот что я тебе скажу, Нат, – следует после небольшого раздумья. – Мне кажется, это твое право – поступай так, как ты считаешь нужным, и гори они все огнем. То же самое я говорю и себе. На этот раз мой черед оплачивать счет, целиком. Вот она, моя беззастенчивая честность. – Эта наша шутка никогда не устаревает.

Позже, уже в постели, на той же счастливой ноте я благодарю ее за великодушие, которое она проявляла все эти годы, а она произносит в ответ всякие теплые слова в мой адрес, пока Стеф отбивает каблуки на танцах (хочется так думать), и тут я делюсь с ней мыслью, что сейчас самый подходящий момент открыть дочери глаза на то, чем занимается ее отец... насколько это позволяет Контора. Пора ей уже все узнать, говорю я, и лучше от меня, чем от кого-то другого. Я мог бы добавить, хотя этого не сделал, что после возвращения в родные пенаты меня все сильнее раздражало ее беспечное высокомерие и еще подростковая привычка терпеть меня как неизбежное домашнее неудобство или, того хуже, плюхаться ко мне на колени, как к этакому старичку-ворчуну, обычно на глазах у своего очередного ухажера. А еще, если уж быть до конца честным, меня раздражало то, что, глядя на достижения Прю, видного юриста в области прав человека, Стеф считала меня неудачником.

Первая реакция матери-адвокатессы – настороженность. И как же я собираюсь открыть ей глаза? С учетом вероятных ограничений. Вообще, каковы они и кто их устанавливает? Контора или я сам? И как я буду отвечать на ее вопросы, если они последуют? Об этом я уже подумал? И уверен ли я в том, что в какой-то момент меня не занесет? Мы оба хорошо знали, насколько непредсказуемы реакции Стеф и что мы с ней легко заводимся. Прецедентов не счесть. Ну и так далее.

Как всегда, предостережения Прю были на редкость здоровыми и обоснованными. Подростковый период у Стеф проходил кошмарно, о чем мне даже не надо было напоминать. Мальчики, наркотики, отчаянные перепалки – вроде бы обычные в этом возрасте проблемы, но она превратила их в своего рода искусство. Пока я курсировал между заграничными разведотделами, Прю тратила все свободное время на увещевания учителей и администрации, посещала родительские собрания, штудировала научные книги и газетные статьи, спрашивала совета у разных служб в интернете, как усмирить одержимую дочь, и во всем, естественно, винила себя.

Я делал все от меня зависящее, чтобы разделить эту ношу: прилетал домой на выходные, участвовал в тайных совещаниях с психиатрами, психологами и прочими «ами». Все они сходились на том, что Стеф обладает повышенным интеллектом – кто бы сомневался, – умирает от скуки среди сверстников, отвергает дисциплину как экзистенциальную угрозу и считает учителей невыносимо занудными. Ей нужен вызов, интеллектуальное окружение, отвечающее ее запросам... Вывод, по-моему, до смешного очевидный, но только не для Прю, которая, в отличие от меня, излишне доверяет мнению экспертов.

Но вот наконец Стеф получила достойное интеллектуальное окружение в Бристольском университете, факультет математики и философии. Впереди у нее второй семестр.

– Что ж, расскажи ей.

– А тебе, дорогая, не кажется, что у тебя это лучше получится? – предлагаю я Прю, семейному оракулу, поддавшись минутной слабости.

– Нет, дорогой. Раз уж ты принял решение, лучше ей это услышать от тебя. Только помни, что ты легко срываешься. И пожалуйста, без самоунижения. Ее это выводит из себя.

■

Внимательно изучив возможные локации (примерно так же я оцениваю риски сближения с потенциальным источником информации), я решил, что идеальным и самым естествен-

ным местом будет нечасто используемый горнолыжный подъемник для слаломистов на северном склоне неподалеку от деревушки Гран-Террен. Подъемник старого образца – наземный, с Т-образной перекладной. Едешь рядышком, встречаться взглядами необязательно, никто тебя не услышит – слева сосновая роща, справа крутой склон прямо до равнины. Потом крутой спуск к началу подъемника (он тут один) – быстро, с темы соскочить не успеваешь. Плюс наверху обязательная отсечка, так что все вопросы уже на следующем подъеме.

Сверкающее зимнее утро, идеальный снежный покров. Прю, сославшись на несуществующие проблемы с животом, устроила себе шопинг. Стеф всю ночь прогуляла с молодыми итальянцами, но, похоже, силы еще остались, и она рада провести время с родным папочкой. Понятно, что, углубляясь в детали своего темного прошлого, я не могу выходить за рамки того, что никогда не был настоящим дипломатом, а только делал вид, вот почему мне не светили рыцарское звание и должность посла в Пекине, и теперь, когда я дома, пусть наконец с этим от меня отстанет, а то уже действует мне на нервы.

Я бы хотел ей рассказать, почему не позвонил в день ее четырнадцатилетия, так как знаю, что осталась заноза. Я бы хотел ей объяснить, что сидел на эстонско-русской границе в сугробе и молился, чтобы мой агент сумел проскочить мимо погранцов, спрятавшись под дровами. Я бы хотел ей описать, что мы с ее матерью испытывали в нашем посольстве в Москве под неусыпным наблюдением Конторы. Десять дней могло уйти только на то, чтобы бросить в потайной почтовый ящик секретную информацию или, наоборот, забрать ее оттуда; один неверный шаг – и твоего агента, скорее всего, ждет мучительная смерть. Но Прю твердо сказала, что московский тур – это часть ее личной жизни, к которой она не желает возвращаться, и со свойственной ей прямоотой добавила:

– И вряд ли ей так уж необходимо знать о том, что мы трахались перед скрытыми русскими камерами, дорогой.

Это когда мы наслаждались вновь обретенной половой жизнью.

■

Мы со Стеф хватаемся за перекладину – и поехали. Первый раз поднимаясь на вершину, мы болтаем о моем возвращении домой и о том, как плохо я знаю собственную страну, которой прослужил полжизни, так что, как ты понимаешь, Стеф, мне еще о многом предстоит узнать и ко многому привыкнуть.

– То есть больше никакой шикарной выпивки из дьюти-фри, когда мы приезжаем к тебе в гости! – взывает она, и папа с дочкой смеются от души.

Но вот мы отцепились и помчались вниз по трассе, Стеф впереди. Задан отличный мягкий старт для предстоящего разговора.

«Служить своей стране почетно в любом качестве, дорогой, – звучат в ушах слова Прю. – У нас с тобой могут быть разные взгляды на патриотизм, а для Стеф это проклятие человечества, уступающее только религии. И постарайся не шутить. Юмор в серьезные моменты – ей в этом видится уход от разговора».

Мы ухватились за перекладину и снова едем наверх. Итак. Без шуток, без самоунижения, без извинений. Короткий отчет, который мы набросали вместе с Прю, без всяких отступлений. Глядя прямо перед собой, я беру серьезный, но не напыщенный тон:

– Стеф, мы с твоей матерью считаем: пришло время, чтобы ты кое-что про меня узнала.

– Я незаконнорожденная, – с готовностью подхватывает она.

– Нет. Я – шпион.

Она тоже смотрит перед собой. Не так хотел я начать. Ладно. Я рассказываю по намеченному сценарию, она слушает. Без визуального контакта, а значит, без давления. Коротко, спокойно. Ну вот, Стеф, теперь ты все знаешь. Мою жизнь сопровождала вынужденная ложь. Это

все, о чем мне позволено тебе рассказать. Я могу казаться неудачником, но на своей службе я добился определенного статуса. Она молчит. Достигнув вершины, мы слезаем. И снова спускаемся по склону. Она ездит быстрее, ну или ей нравится так думать, и я позволяю ей обогнать меня. Внизу у подъемника мы встречаемся.

Мы стоим в очереди, Стеф в мою сторону не смотрит, но меня это не беспокоит. Она живет в своем мире. Теперь она знает, что я тоже живу в своем мире, и это не какая-то там живодерня для низколетящих птишек Форин-офиса. Стеф стоит впереди меня, поэтому хватает перекладину первой. Когда мы трогаемся, она спрашивает будничным тоном, приходилось ли мне кого-то убивать. Хмыкнув, я отвечаю: конечно нет, слава богу, и это чистая правда. Другие убивали, пускай опосредованно, но не я. Ни косвенно, ни чужими руками, ни, как выражаются в Конторе, за отрицаемым авторством.

– Никого не убивал. А преступление рангом пониже? – спрашивает она все так же неприужденно.

– Преступление рангом пониже... Я уговаривал ребят сделать то, чего без моих уговоров они бы не сделали.

– Что-то нехорошее?

– Как посмотреть. В зависимости от того, по какую сторону баррикады ты находишься.

– Например?

– Для начала – предать свою страну.

– И ты их уговаривал?

– Да. Если они сами себя уже не уговорили.

– Только ребят или ребят женского пола тоже? – Вопрос с виду легкомысленный, если не знать серьезной позиции Стеф по феминизму.

– В основном мужчин. В подавляющем большинстве, – заверяю я ее.

Мы снова на вершине. Отцепляемся и катимся вниз, Стеф по-прежнему впереди. И опять встречаемся внизу у подъемника. Очереди нет. До сих пор перед подъемом она поднимала защитные очки на лоб. На этот раз нет. Они все отражают.

– И как же ты их уговаривал? – задает она вопрос, как только мы отъезжаем.

– Щипцами пальцы не выкручивал, – отвечаю я, тем самым совершая большую ошибку. Юмор в серьезные моменты – ей в этом видится уход от разговора.

– И все-таки? – настаивает она. Дались ей эти способы убеждения.

– Стеф, кто-то это делает ради денег, кто-то от ненависти или из-за непомерного тщеславия. А есть и просто идеалисты, которым не всучишь деньги даже насильно.

– И о каких же идеалах мы говорим, папа? – из-за поблескивающих очков. Впервые за долгое время она назвала меня «папой». А еще я отмечаю, что она не чертыхается – в случае Стеф это такой красный сигнал светофора.

– Ну, например, кому-то Англия представляется родоначальницей демократии. Или они без памяти влюблены в нашу дорогую королеву. Для нас эта Англия, возможно, уже не существует, если вообще существовала, но они считают иначе, вот ты им и подыгрываешь.

– А по-твоему, она существует?

– С оговорками.

– Серьезными оговорками?

– А как иначе, помилуй? – Я почувствовал укол, дескать, вдруг умудрился не заметить, что страна катится в пропасть. – Кабинет тори, представляющий меньшинство, состоит из двоичников. Министр иностранных дел, которому я вроде как служу, невежественная свинья. С лейбористами дело обстоит не лучше. Это безумие под названием Брексит... – Я беру паузу. У меня тоже есть чувства. Об остальном пусть говорит мое негодующее молчание.

– Значит, у тебя есть серьезные оговорки? – настаивает она невиннейшим голосом. – Даже очень серьезные. Так?

Слишком поздно я осознаю, что чересчур раскрылся, хотя, может, с самого начала этого хотел: отдать ей победу, признать, что мне далеко до стандартов ее блестящих профессоров, а затем снова станем теми, кто мы есть.

– Если я тебя правильно поняла, – продолжает она, когда мы отправляемся на очередное восхождение, – ради своей родины, в отношении которой у тебя есть серьезные оговорки, и даже очень серьезные, ты уговариваешь иностранных граждан, чтобы они предавали собственную. – И вдогонку: – По той простой причине, что у них, в отличие от тебя, нет оговорок в отношении твоей родины, а только в отношении своей. Так?

Я весело кричаю, тем самым признавая свое заслуженное поражение, но одновременно прошу о смягчении приговора.

– Но ведь они не невинные овечки, Стеф! Это их добровольное решение. В основном. И мы их берем под свое крыло. Социальное обеспечение. Нужны деньги – получите. Нужен Господь – вот вам Господь. Любые варианты, Стеф. Мы же их друзья. Они доверяют нам. Мы даем все необходимое им, а они нам. Мир так устроен.

Но ее не интересует, как устроен мир вообще. Ее интересует мой мир, что становится понятно во время следующего подъема.

– Когда ты предлагал другим, кем им быть, ты задумывался, кто есть ты?

– Я просто понимал, что я на правильной стороне, Стеф, – отвечаю я, чувствуя, как во мне начинает подниматься желчь, несмотря на все предупреждения Прю.

– Это на какой же?

– Моей службы. Моей страны. И твоей, кстати.

Наш последний подъем. Я сумел взять себя в руки.

– Папа?

– Выкладывай.

– У тебя за границей были романы?

– Романы?

– Любовные романы.

– Это тебе мама сказала?

– Нет.

– Тогда какого хрена ты лезешь в чужую жизнь? – вырывается у меня, прежде чем я успеваю себя остановить.

– А такого, что я ни хрена не мама! – орет она в ответ.

На этой грустной ноте мы в последний раз отпускаем перекладину и порознь возвращаемся в деревню. Вечером она отклоняет все предложения итальянских дружков позажигать, предпочитает пойти спать. Что и делает, выпив бутылку красного бургундского.

А я после приличествующей паузы пересказываю жене в красках наш разговор со Стеф, опуская, щадя себя и Прю, неуместный выкрик при расставании. Я пытаюсь убедить нас обоих, что моя миссия выполнена успешно, но Прю слишком хорошо меня знает. Утром мы улетаем обратно в Лондон, и Стеф отсаживается от нас через проход. А на следующий день, накануне ее отъезда в Бристоль, у нее с матерью происходит жуткая свара. Ярость Стеф, как выясняется, вызвана не тем, что ее отец шпион или что он уговаривал мужчин и женщин стать шпионами; ее ярость обращена против страдальцы-матери, которая скрывала важнейшую тайну от собственной дочери и тем самым нарушила святое – женское доверие.

А когда Прю осторожно указывает ей на то, что это не столько ее тайна, сколько моя, и даже не моя, а Конторы, в ответ Стеф делает ноги, ночует у бойфренда и одна летит в Бристоль. Семестр для нее начинается с двухдневным опозданием, а за своими вещами она посылает к нам все того же бойфренда.

■

Появлялся ли Эд в качестве гостя в этой семейной мыльной опере? Нет, конечно. Каким образом? Он же не покидал Туманного Альбиона. Впрочем, однажды (наверняка я обознался, но эпизод запомнился), когда мы заказали в горнолыжных «Трех вершинах», откуда открывается обзор на весь пейзаж, пирог с сыром и графин белого вина, Прю увидела молодого человека, похожего на Эда как две капли воды. Не какое-нибудь там чучело. Мужчину из плоти и крови.

Стеф отлеживалась. Мы с Прю, накатавшись вдоволь, решили тихо, зигзагами съехать по склону, по-ужинать и отправиться спать. И вот тебе на, в ресторан входит подобие Эда в вязаной шапочке с помпоном – такого же роста, с таким же видом отверженного, обиженного и слегка потерянного, – на пороге тщательно оббивает снег с ботинок, обращая на себя внимание посетителей, потом срывает защитные очки и щурится на сидящих, как будто забыл обычные очки дома. Я даже поднял руку, чтобы приветственно ему помахать, да вовремя себя остановил.

Прю, быстрая на реакции, успела перехватить взглядом мой жест и, видя мое замешательство, мне самому непонятное, потребовала полного и честного объяснения. Я дал ей краткую версию: в Атлетическом клубе есть парень, который от меня не отстанет, пока я с ним не сыграю. Но Прю этого мало. Чем он успел меня зацепить? Почему я так спонтанно отреагировал на его двойника? Совсем не в моем стиле.

На что я дал сразу несколько ответов, и Прю, по обыкновению, запомнила их лучше, чем я: чудак... в нем чувствуется какая-то отвага... а когда эта шумная братия в баре попыталась его поднять на смех, он продолжил тупо меня долбить, пока не добился своего, и только тогда, дав им понять, как далеко он их посылает, ушел со сцены.

■

Если вы любите горы так, как их люблю я, то прощание с ними вызовет у вас депрессию, но вид обшарпанного трехэтажного краснокирпичного здания на задворках Камден-тауна в девять утра, в дождливый понедельник, когда ты не знаешь, что тебя ждет внутри, – это, скажу я вам, ни с чем не сравнить.

Каким образом секретная подстанция заканчивает свои дни в такой дыре, можно только гадать. Как она получила ироническое прозвище Гавань – еще одна загадка. Существует теория, что здесь была конспиративная квартира для захваченных немецких шпионов во время Второй мировой войны; согласно другой теории, бывший шеф держал здесь свою любовницу; а третья утверждает, будто Контора, постоянно меняя правила игры, объявила, что из соображений безопасности лучше всего разбросать свои подстанции по всему Лондону, а когда от этой устаревшей доктрины отказались, про мало-значительную Гавань просто забыли.

Я поднимаюсь по трем растрескавшимся ступенькам. Обшарпанная дверь открывается передо мной раньше, чем я успеваю вставить старый ключ. На пороге стоит некогда грозный Джайлс Уокфорд, растолстевший, со слезящимися глазами, а ведь в свое время был одним из самых толковых кураторов в нашей конюшне и всего на три года старше меня.

– Дружище! – восклицает он сипловатым голосом, обдавая меня парами вчерашнего виски. – Всегда точен как часы. Салям, сэр. Какая честь! Лучшего кандидата мне на смену не придумаешь.

Он знакомит меня со своей командой, по два человека в комнатках над и под узкой деревянной лестницей.

Игорь, депрессивный шестидесятипятилетний литовец, во времена холодной войны контролировал лучшую за всю историю Конторы балканскую сеть, а сейчас на связи с наемными работниками иностранных посольств – уборщиками, швейцарами и машинистками.

Марика, эстонка и, по слухам, любовница Игоря, вдова вышедшего на пенсию агента, умершего в Петер-бурге, тогда еще Ленинграде.

Дениз, толстая и коренастая, вспыльчивая русскоговорящая шотландка с норвежскими корнями.

И наконец, юный Илья, востроглазый русскоговорящий англофинн, которого я лично завербовал как двойного агента в Хельсинки пять лет назад. Он продолжил работать с моим преемником под обещание британского гражданства. Поначалу Контора не желала с ним иметь никаких дел. Только после моих настойчивых обращений к Брину Джордану его согласились взять на низшую должность в разведслужбе: младший делопроизводитель с допуском класса С. Он встречает меня радостными финскими восклицаниями и русскими объятиями.

А на втором этаже, приговоренная к пожизненной безвестности, сидит совсем уже мелкая шушера, помощники делопроизводителей – билингвы с базовой оперативной подготовкой.

Большая экскурсия закончилась, и я уже начал сомневаться в существовании обещанного мне второго номера, когда Джайлс чинно постучался в дверь из матового стекла, соседствующую с его промозглым кабинетом, и вот, похоже, в бывшей комнате для прислуги я впервые вижу Флоренс: молодая, ладная, с открытым лицом, бойко говорящая по-русски, второй год стажерства, недавнее приобретение Гавани и, если верить Дому, ее главная надежда.

«Тогда почему ее не отправили непосредственно в Русский отдел?» – спросил я. «Мы посчитали ее еще немного зеленой, Нат, – ответил Дом высокомерно, переходя на свой особый язык и давая мне понять, что за этим решением стоял не кто иной, как он. – Талантливая, да, но еще годик ей не помешает».

Талантливая, но еще годик ей не помешает. Я попросил Мойру показать мне ее личное дело. Как и следовало ожидать, Дом украл этот афоризм.

■

Отныне все, за что берется Гавань, дело рук Флоренс. По крайней мере, так отложилось в моей памяти. Возможно, были и другие достойные проекты, но после того, как мой взгляд упал на черновой вариант операции «Розовый бутон», она стала главным шоу в нашем захудалом городишке, а ее единственной звездой была Флоренс.

Это она по своей инициативе завербовала разочарованную любовницу живущего в Лондоне украинского олигарха под кодовым именем Орсон, который, если верить документам, имел связи как с Московским центром, так и с пропутинскими членами украинского правительства.

Ее амбициозный план в угрожающе сгущенных красках призывал к тому, чтобы тихушники проникли в дуплекс Орсона (75 миллионов фунтов стерлингов) на Парк-лейн, наспиговали его жучками и подключились к компьютерам, установленным за стальной дверью посередине мраморной лестницы, ведущей в комнату отдыха с панорамным обзором. В настоящем виде шансы «Розового бутона» получить зеленый свет от Директората по оперативным вопросам, по моему мнению, были нулевыми. Незаконные вторжения – горячая тема, а тихушники на вес золота. На этом шумном рынке «Розовый бутон» будет гласом вопиющего в пустыне. Но чем глубже я вникал в презентацию, тем больше проникался мыслью, что жесткая правка и четкий хронометраж могут превратить «Розовый бутон» в нечто высокочеловеческое и вполне действенное. А в самой Флоренс, как мне не-устанно заявлял Джайлс за полуночной бутылкой «Талискера» в кухоньке на задворках нашей Гавани, «Розовый бутон» обрел решительного, хотя и несколько заикленного, поборника.

– Девушка своими ножками обошла все точки, своими руками перешерстила все документы. С тех пор как она вышла на Орсона, больше ни о чем не думает. Я ее спросил: «Это

твоя личная вендетта?» Она даже не улыбнулась. Таких, как он, паразитов, говорит, надо уничтожать.

И плеснул себе еще виски.

– Девушка не только подыгрывает Астре, чтобы стать ее лучшей подругой (Астра – кодовое имя разочарованной любовницы Орсона), она еще обработала ночного портье в этом подзрительном доме, и он теперь с нами заодно. Навешала ему лапшу на уши, дескать, она тайно работает в «Дейли мейл» и собирает материал об образе жизни лондонских олигархов. Портье на нее губы раскатал, верит каждому ее слову. Когда она желает заглянуть в клетку льва, пять тысяч фунтов из спецфонда «Дейли мейл» – и всегда пожалуйста. Это она-то зеленая? Нам бы такие яйца.

■

Я устраиваю тихий ланч с Перси Прайсом, могущественным главой наружки, которая сама по себе является империей. Протокол меня обязывает пригласить Дома. Быстро выясняется, что Перси и Дом плохо стыкуются, а вот у меня с Перси, худощавым и молчаливым эксплицейским, которому хорошо за пятьдесят, давние отношения. Десять лет назад с помощью его команды тихушников и моего агента мы украли прототип ракеты с российского выставочного стенда на Международной ярмарке вооружений.

– Мои мальчики и девочки постоянно натываются на этого Орсона, – в задумчивости говорит Перси. – Стоит нам заняться очередным ловкачом-миллиардером, запустившим палец в русский пирог, как тут же выскакивает Орсон. Мы, конечно, не следователи, мы наблюдатели. Наблюдаем за кем прикажут. Но я очень рад, что кто-то наконец решил им заняться. Он и ему подобные давно мозолят мне глаза.

Перси готов приоткрыть для нас форточку. Но никакой гарантии. Если Директорат в последний момент решит, что какая-то операция будет поважнее этой, ни он, ни кто другой нам не поможет.

– Вся информация идет через меня, Перси, – вступает Дом, на что мы оба говорим: «Самой собой, Дом».

Спустя три дня Перси звонит мне на служебный мобильник. У нас некоторое затишье, Нат. Стоит чуть-чуть поддать. Спасибо, Перси, говорю. Я передам Дому, как полагается. Читай: как можно позже или никогда.

Каморка Флоренс в шаге от моего кабинета. Отныне, говорю я ей, вы будете проводить с разочарованной любовницей Орсона по кличке Астра столько времени, сколько вам потребуется. Выезжать с ней за город, вместе заниматься шопингом, устраивать девичьи посиделки в «Фортнуме», который Астра обожает. Еще пусть разогреет ночного портье в целевом особняке. Игнорируя Дома, я приказываю выделить на это барашка в бумажке – пять сотенных. С моей подачи она подготовит вчерне официальный запрос на тайный шмон орсоновского дуплекса, который осуществит команда тихушников с одобрения Директората. Обращаясь к последнему на ранней стадии, мы подчеркиваем серьезность своих намерений.

■

Поначалу чутье мне подсказывало не слишком доверять Флоренс, девице из высшего общества, в детстве катавшейся на пони, а сейчас неизвестно с какими тараканами в голове. У Стеф она сразу вызвала бы презрение, а Прю выразила бы озабоченность. У нее большие карие неулыбчивые глаза. Чтобы скрыть фигуру на рабочем месте, она носит мешковатые шерстяные юбки. Туфли без каблуков, никакой косметики. Согласно личному делу живет с родителями в Пимлико и не имеет постоянного партнера. Свою сексуальную ориентацию пожелала

оставить неназванной. Мужское золотое кольцо с печаткой на безымянном пальце я воспринимаю как знак: держитесь от меня подальше. Она широко шагает, чуть подавшись вперед. Наклон чувствуется и в том, как она говорит: речь типичной выпускницы женского колледжа в Челтнеме, но одобренная пролетарскими крепкими словечками. Первый раз я столкнулся со столь неожиданным сочетанием во время обсуждения операции «Розовый бутон». За столом сидели пятеро: Дом, Перси Прайс, я, стажер Флоренс и чванливый профессиональный взломщик Эрик. На повестке стоял вопрос, не использовать ли неожиданное отключение электричества в качестве отвлекающего маневра, чтобы дать возможность Эрику и его команде прочесать дуплекс. Флоренс, до той минуты помалкивавшая, вдруг ожила: «Послушайте, Эрик. А на чем, по-вашему, работают компьютеры Орсона? На карманных, б..., батарейках?»

Мне надо срочно вырезать нотки морального негодования, коими изобилует ее черновой вариант презентации для Директората. Хотя я и не являюсь негласным чемпионом среди конторских бумагомарателей, о чем свидетельствуют мои персональные доклады, но знаю, что выводит из себя наших уважаемых разработчиков. Когда я говорю это Флоренс открытым текстом, она вспыхивает. С кем я имею дело? Со Стеф или со вторым номером в моей команде?

– Госссподи, – вздыхает она. – Вас так напрягают наречия?

– Речь вовсе не об этом. Сама постановка вопроса, что Орсон самый отъявленный мерзавец на планете или, наоборот, олицетворение добродетелей, скажем так, напрягает Директорат. Следовательно, мы удаляем всякие упоминания о справедливости и неприличных суммах, сворованных у угнетенных масс. Мы говорим о намерениях, дивидендах, рисках и дезавуировании объекта, а еще мы внимательно следим за тем, чтобы водяной знак Гавани просматривался на каждой странице и чтобы его загадочным образом кто-нибудь не подменил.

– Например, Дом?

– Кто угодно.

Она уходит в свою каморку и хлопает дверью. Неудивительно, что Джайлс в нее влюбился, у него же нет дочери. Я звоню Перси и говорю, что проект операции «Розовый бутон» на подходе. Что касается Дома, то, исчерпав все отговорки по поводу задержек, я даю ему полный и честный отчет о проделанной работе... в том объеме, который должен его успокоить. В понедельник вечером, с простительным чувством удовлетворенности пожелав Гавани спокойной ночи, я отправляюсь в Атлетический клуб, где меня ждет давно откладываемый бадминтонный поединок с Эдвардом Стэнли Шэнноном, исследователем.

Глава 5

Если верить моему ежедневнику, никогда не содержавшему такой информации, чтобы его нельзя было забыть в автобусе или дома, всего мы с Эдом сыграли в Атлетическом клубе пятнадцать матчей, в основном по понедельникам, иногда два раза в неделю – четырнадцать до падения и разок после. Слово «падение» я употребляю довольно условно. Оно никак не связано ни с осенним листопадом, ни с Адамом и Евой. Не уверен, что эта метафора подходит к нашему случаю, но ничего лучше мне на ум не пришло.

Если идти к клубу северным путем, то последним отрезком будет бодрящая прогулка через парк Баттерси. А напрямик от дома всего пятьсот метров. Большую часть моей взрослой жизни я состоял в Атлетическом клубе, он служил мне убежищем от всего на свете. Прю называет его моим детским манежем. Живя за границей, я сохранял членство и использовал короткие отпуска, чтобы поддерживать спортивную форму. Всякий раз, когда Контора вытаскивала меня на оперативное совещание, я улучал минутку, чтобы стогнать матч. В клубе я для всех просто Нат, и никому нет дела до того, чем я или кто другой зарабатывает себе на жизнь, никто не задает лишних вопросов. Китайцев и прочих азиатов по отношению к белым у нас три к одному. С тех пор как Стеф научилась говорить «нет», она отказывалась выходить на корт, но я помню, как привозил ее сюда поплавать и поесть мороженого. Верная Прю откликалась на мои просьбы, но неохотно, а с тех пор, как она стала работать юристом *pro bono* и проводить инструктажи, я потерял ее как партнершу.

Барменом у нас служит Фред, уроженец Шаньтоу неопределенного возраста, страдающий бессонницей. У нас есть специальное членство для молодых, что экономически страшно невыгодно. Зато после двадцати двух надо платить двести пятьдесят фунтов в год плюс приличный вступительный взнос. И нам бы пришлось задрать цены еще выше, если бы наш китаец по имени Артур ни с того ни с сего не сделал анонимное пожертвование в размере ста тысяч евро. Это целая история. Я как почетный секретарь клуба был одним из немногих, кто смог поблагодарить Артура за щедрость. Однажды вечером мне сказали, что он в баре. Моего возраста, но уже совсем седой, он сидел за столиком в отличном костюме и галстук. Никаких напитков.

– Артур, – сказал я, присаживаясь рядом. – Мы не знаем, как вас благодарить.

Я жду, что он ко мне повернется, но он продолжает смотреть перед собой.

– Это за моего мальчика, – откликается он после бесконечной паузы.

– Он сейчас здесь? – спрашиваю я, глядя на группу юных китайцев у бассейна.

– Больше нет, – отвечает он, по-прежнему не поворачивая головы.

Больше нет? В каком смысле?

Я затеваю осторожную проверку. С китайскими именами много путаницы. Членом клуба когда-то был юноша с той же фамилией, что у нашего донора. Его членство истекло полгода назад, а на напоминания об оплате – никакой реакции. Элис вспомнила, что его звали Ким. Такой энергичный худенький подросток. Милашка. Говорил, что ему шестнадцать, а на вид все шестьдесят. С ним приходила очень вежливая китаянка, не то мать, не то сиделка. Заплатила наличными за начальный курс обучения, шесть уроков. Вот только паренек вообще не попадал по волану. Тренер посоветовал ему поработать дома: на внимание, подбивать волан ракеткой. И через несколько недель вернуться. Не вернулся. Ни он, ни сиделка. Мы решили, что он махнул на это дело рукой. Или уехал в Китай. Или... даже страшно подумать. Господи, позаботься о бедном Киме.

Не знаю, зачем рассказываю об этом эпизоде в таких подробностях, просто я люблю клуб и все, чем он был для меня столько лет, включая наши пятнадцать матчей с Эдом, которые мне очень понравились, за исключением последнего.

■

Наш первый понедельник прошел далеко не так гладко, как указано в журнале записей. Я педантичен – по мнению Стеф, до тошноты. Он же на встречу, назначенную еще три недели назад, примчался отдуваясь, за три минуты до начала, в помятом костюме, с прищепками на отворотах брючин после велосипедной гонки, с коричневым дипломатом из кожаменителя в руке и явно не в духе.

До этого, напоминая, я его видел всего один раз в спортивном снаряжении. А еще, хочу вам напомнить, он на двадцать лет моложе меня, и это он бросил мне вызов на глазах у моих товарищей, а я его вызов принял – не в последнюю очередь чтобы помочь ему сохранить лицо. Ко всему прочему, помимо того, что я чемпион клуба по бадминтону, утром я провел подряд две встречи с не самыми толковыми и не самыми продуктивными агентами Джайлса, поступившими в мое распоряжение (обе оказались женщинами и по понятным причинам не скрывали своего недовольства сменой начальника), обеденный перерыв потратил на утешение Прю – она получила обидный мейл от Стеф, требующей, чтобы забытый дома мобильник ей послали заказной бандеролью по неизвестному адресу на имя некоего Джуно (какой еще, к черту, Джуно?), – а потом выпалывал очередные ненужные выпады против порочного образа жизни Орсона, хотя уже дважды просил, чтобы это сделала Флоренс.

К тому времени, когда Эд влетает в раздевалку, напоминая бежавшего дезертира, я в полной амуниции уже десять минут пялюсь на настенные часы. Он бурчит что-то невнятное об «этой суке, водителе грузовика, ненавидящем велосипедистов», который мешал ему проехать на светофоре, и о своем начальстве, которое «задержало его на работе без всяких, растудить, причин», на что я отвечаю односложным «бедняга» и, сев на скамейку, молча наблюдаю в зеркале за его хаотическим переодеванием.

Если я не такой расслабленный, как три недели назад, то и стоящий передо мной Эд сейчас мало похож на того смущенного парня, которому, чтобы мне представиться, потребовалась помощь Элис. Он срывает с себя пиджак и все остальное выше талии, с шумом распахивает шкафчик, достает коробочку с воланами и пару ракеток, а затем ворох одежды – футболка, шорты, носки, кроссовки.

Стопа у него большая. Возможно, не слишком шустрый на корте. Пока я об этом размышляю, он швыряет внутрь свой дипломат и запирает шкафчик. Зачем? Он же еще до конца не переоделся. Через полминуты ему предстоит убрать в шкафчик одежду, которую он срывает впопыхах. Еще раз, зачем запирает шкафчик, чтобы тут же снова отпирать? Боится, что кто-то умыкнет дипломат, стоит ему отвернуться?

Речь не столько об осознанном анализе, сколько о моей *déformation professionnelle*³. Этому меня учили, этим я занимаюсь на протяжении всей карьеры, не важно, является ли объектом моего интереса Прю, прихорашивающаяся в Баттерси, или парочка средних лет, давно сидящая за угловым столиком в кафе и настолько увлеченная беседой, что даже не поглядывает в мою сторону.

Эд через голову стягивает рубашку, обнажая торс. В хорошей физической форме, чуть худощав, ни татуировок, ни шрамов, ни других отличительных знаков. И, как мне видится снизу, высоченного роста. Снимает очки, открывает шкафчик, забрасывает туда очки и снова запирает. Натягивает футболку, потом все те же длинные шорты, в которых подходил ко мне знакомиться, и некогда белые носки.

Его колени на уровне моих глаз. Без очков его лицо кажется каким-то беззащитным и еще моложе, чем при первой встрече. На вид лет двадцать пять, не больше. Он подается к зеркалу, частично закрывая мне обзор. Вставляет контактные линзы. Отмаргивается. Любопытно,

³ Профессиональная деформация (фр.).

что за все время своих метаний он ни разу не согнул колени. Пружинит у него только верхняя половина, завязывает ли он шнурки или вставляет линзы. А значит, несмотря на высокий рост, ему может быть непросто дотягиваться до низко летящего волана. Он еще раз отпирает шкафчик, запикивает внутрь костюм, рубашку и туфли, захлопывает и запирает дверцу, пару секунд разглядывает лежащий на ладони ключ, потом, пожав плечами, снимает ленточку, с помощью рычажка открывает ногой урну и выбрасывает ее туда, а ключ сует в правый карман шорт.

– Ну что, всё? – спрашивает он меня, как будто это я, а не он затягивал время.

Мы идем на корт. Эд шагает впереди, размахивая ракеткой и продолжая тихо кипеть, то ли по поводу водителя грузовика, ненавидящего велосипедистов, то ли из-за своего безмозглого начальства, а может, существует еще какой-то, пока мне неизвестный раздражитель. Путь ему хорошо знаком. Готов поклясться, что он тайно тренировался – например, все время, что мы не виделись, не исключено. Моя профессия требует умения ладить даже с теми, кому в обычной жизни я бы руки не подал. Но сей молодой человек испытывает мое терпение, и на корте я положу этому конец.

■

В тот день мы сыграли семь ожесточенных партий. Не припомню другого случая, включая игры за чемпионство, чтобы я так выкладывался или так жаждал поставить на место своего оппонента. Я выиграл четыре партии, но едва-едва. Он был хорош, но, по счастью, нестабилен, что дало мне маленькое преимущество. Несмотря на молодость, он был в превосходной форме, к тому же на голову выше меня. Но концентрация, слава богу, его порой подводила. За десять очков он мог бороться отчаянно – наседали, бил смэши, шел к сетке, давал свечки и укороченные, отбегал назад, срезал самые неожиданные углы, так что я за ним едва поспевал. А в следующих трех-четырёх розыгрышах вдруг выключался, как будто победа ему до лампочки. Затем снова оживал, но было уже поздно.

За все это время мы не произнесли ни слова, кроме объявления счета (эту обязанность он с самого начала взял на себя и исправно выполнял) да эпизодического «черт!» после очередного промаха. К решающему моменту вокруг собралось около дюжины зрителей, которые проводили нас дружными аплодисментами. Да, он оказался тяжеловат на ноги. И да, он судорожно, в последний миг дотягивался до низко летящего волана, несмотря на свой высокий рост.

Но, должен признаться, он играл и проигрывал с неожиданным достоинством, не оспорил ни одного случая, когда волан падал на самой линии, не требовал переигровки, что в нашем Атлетическом клубе, да и во всех других, большая редкость. А когда матч закончился, он даже расплылся – это была первая улыбка, которую я увидел... огорченная, но абсолютно искренняя, неожиданная и оттого еще более симпатичная.

– Отличная игра, Нат, лучшая на моей памяти, ага, – искренне заверяет он меня, трясая мою руку. – Как насчет заправиться? За мой счет.

Заправиться? Вот что значит – давно не был в Англии. В смысле?... В голове промелькнула абсурдная мысль, что сейчас он мне предложит нюхнуть кокаина, припрятанного в коричневом дипломате. Лишь потом соображаю, что он просто зовет меня цивилизованно пропустить по рюмочке в баре. Спасибо, Эд, отвечаю, но не сегодня, увы, у меня дела, и это чистая правда: поздним вечером у меня еще одно совещание, с последней агентшей Джайлса по кличке Звездная, жуткой бабой, вот кому я бы точно не стал доверять, но Джайлс уверен, что она под контролем.

– А как насчет матча-реванша на следующей неделе? – поджигает меня Эд, что, видимо, в его стиле. – Если придется отменить, не страшно. Я бронирую. Вы готовы?

Я так же честно отвечаю, что неделя мне предстоит немного напряженная, так что посмотрим. И в любом случае бронь корта за мной. Моя ответка. Далее следует все та же забав-

ная тряска вместо обычного рукопожатия. Напоследок я вижу, как он в своих прищепках на брюках снимает цепь, которой прикован его допотопный велосипед. Кто-то делает ему замечание, мол, ваш велосипед мешает прохожим, на что следует отповедь: да пошли вы.

Мне и впрямь пришлось эсэмэской отменить следующий понедельник из-за «Розового бутона», который после неохотного согласия Флоренс смягчить свое моральное негодование и моего незаметного лоббирования постепенно обретал почву под ногами. Эд предложил среду, и пришлось ему объяснять, что у меня вся неделя без продыху. Но и следующий понедельник, поскольку мы находились в подвешенном состоянии, мне пришлось отменять с извинениями, как и всю неделю. Было неприятно, что я его вожу за нос, но всякий раз меня успокаивал вежливый ответ: «Без проблем». И вот уже третья пятница, а я по-прежнему не понимаю, получится ли у меня в следующий понедельник и дальше.

Рабочий день закончился. Дежурная смена уходит на выходные, и только юный Илья готов остаться. Ему нужны деньги. Звонят из Конторы. Это Дом. У меня сильное желание не брать трубку, но потом решаю смириться.

– У меня для тебя неплохие новости, Нат, – говорит он деловым тоном. – Некая дама по имени Розовый Бутон добилась расположения нашего Русского отдела. Они переслали наше предложение в Директорат, от которого теперь ждем окончательной отмашки. Хороших тебе выходных. Ты их заслужил, я считаю.

– Наше предложение, Дом? Или только Лондонского управления?

– Наше общее предложение, Нат, как мы договорились. Гавань и Лондонское управление маршируют одной колонной.

– И кто же официальный автор предложения?

– Твой номер два, женщина без страха и упрека, автор операции, хотя и в статусе стажера. В соответствии с традицией она сделает презентацию по всем правилам в оперативном конференц-зале в следующую пятницу ровно в 10.30. Тебя это устраивает?

Только когда получу письменное подтверждение, Дом. Я звоню Вив – союзнице, как выясняется. Она мне присылает по электронной почте официальное подтверждение. У нас с Домом одинаковый статус. Флоренс признана автором проекта. Вот теперь я могу послать эсэмэску Эду. Прошу прощения, что пишу в последний момент, но как вы насчет ближайшего понедельника?

Он готов.

■

На этот раз никакого мятого костюма и прищепок на брюках, никакого бурчания по поводу грузовиков или безмозглых начальников, никакого дипломата из кожзаменителя. Джинсы, кроссовки, рубашка с распахнутым воротом и счастливая улыбка из-под велосипедного шлема, который он расстегивает. Должен признаться, что после трех недель вкалывания с утра до ночи эта широкая улыбка и размашистое рукопожатие действуют на меня освежающе.

– Сначала очко выиграло, но потом все-таки осмелели, да?

– Наложил в штаны, – весело подыгрываю я ему, и мы бодрой кавалерийской походкой направляемся в раздевалку.

И снова игра на тоненького. Сегодня никаких зрителей, и все напряжение только по делу. Как и в прошлый раз, мы идем нос к носу до последних розыгрышей, но, к моей досаде – хотя и к моему облегчению, ибо кому охота постоянно укладывать на лопатки своего противника? – он меня все-таки разделяет под орех, и на этот раз я без промедления приглашаю его в бар заправиться. По понедельникам игроков в клубе негусто. То ли чисто импульсивно, то ли по привычке я выбираю угловой столик на двоих, с оловянной столешницей, подальше от бассейна, откуда просматривается парадный вход.

С тех пор, без всякого обсуждения, этот изолированный столик становится для нас тем, что моя мать в свои «немецкие минуты» назвала бы *Stammtisch*⁴, а мои *chers collègues*⁵ – местом преступления. Это касается как наших регулярных вечерних встреч по понедельникам, так и импровизированных, в другие дни.

■

Я не ожидал, что наше послематчевое пиво как-то выйдет за рамки обычной формальности: проигравший оплачивает первую кружку, победитель – вторую, если понадобится, обменялись любезностями, назначили следующую встречу, приняли душ и разошлись по домам. А поскольку Эд в том возрасте, когда жизнь после девяти вечера только начинается, я предполагал, что одной кружкой все ограничится и дома я сварю себе яйцо, так как Прю наверняка засидится с дорогими клиентами-нахлебниками.

– Живете в Лондоне? – спрашивает Эд, когда мы усаживаемся со своим пивом.

Я это подтверждаю.

– И чего делаете?

Для членов клуба это уже перебор, ну да ладно.

– Присматриваюсь, – отвечаю. – До недавнего времени зарабатывал на жизнь за границей. Сейчас вернулся домой и думаю, в какой бы пирог запустить зубы. – И для ровного счета: – А пока помогаю старому приятелю наладить бизнес. – Отработанный, рутинный ответ. – Ну а вы, Эд? Элис сказала, что вы исследователь. Верно?

Он задумывается – похоже, ему никто не задавал подобного вопроса. Вид у него такой, словно его в чем-то уличили и ему это не очень приятно.

– Исследователь, ага. Точно. – Еще подумал. – Приходят материалы. Их надо разобрать. Потом передать профессионалам. Как-то так.

– Ежедневные новости?

– Ага. Внутренние, иностранные, фейковые.

– А корпоративные? – подсказываю я, вспомнив его инвективы в адрес начальства.

– Ага. Корпоративный уклад, еще какой. Если не играешь по правилам, то ты в жопе.

Отстрелялся, подумал я. Но он, поразмышляв, продолжает:

– Пару лет оттрубил в Германии. Страна понравилась, а вот работа не очень. Вот и вернулся.

– На ту же работу?

– Ага, та же жопа, только в профиль. Подумал, может, как-то развернусь.

– Не развернулись?

– Так и ковыряюсь. Делаю что могу. Ага.

Вот в сухом остатке и весь наш с ним разговор о том, кто чем занимается. Меня это устроило, и его, судя по всему, тоже, потому что больше к данной теме мы не возвращались, хотя мои *chers collègues* считают иначе. Но я помню, словно это было вчера, как резко повернулась беседа, стоило нам только оставить тему профессиональных занятий.

Какое-то время Эд скалился в никуда и, судя по гримасам, спорил сам с собой по какому-то серьезному поводу.

– Нат, вы не против, если я вам задам вопрос? – вдруг выпаливает он с решительным видом.

– Конечно нет, – отвечаю я дружелюбно.

⁴ Стол для завсегдатаев (нем.).

⁵ Дорогие коллеги (фр.).

– Я вас очень уважаю. Хотя мы совсем мало знакомы. Но стоит разок поиграть с человеком, чтобы тебе стало про него все понятно.

– Продолжайте.

– Спасибо. Продолжаю. Я полагаю, что для нас и всей Европы, как и для либеральной демократии в целом, выход Великобритании из Евросоюза под присмотром Дональда Трампа и ее последующая безоговорочная зависимость от Соединенных Штатов, которые катятся к институциональному расизму и неонацизму, – это жопа глубже некуда. Вот я и спрашиваю: вы в целом со мной согласны или вы оскорблены моими словами и мне лучше встать и уйти? Да, нет?

Удивленный этим ничем не спровоцированным обращением к моим политическим взглядам со стороны едва знакомого молодого человека, я предпочитаю выдержать вежливую паузу, как это называет Прю. Какое-то время он невидящим взглядом таращится на плескающихся в бассейне людей, а затем снова обращается ко мне:

– Просто не хочу изображать перед вами не пойми кого, раз я восхищаюсь вами как игроком и человеком. Брексит, я считаю, самое важное для Британии решение после 1939 года. Все говорят «после 1945-го», уж не знаю почему. Вот я и спрашиваю: вы со мной согласны? Понимаю, что лезу на рожон. Многим не нравится, что я задаю вопросы в лоб, но уж какой есть.

– На рабочем месте? – спрашиваю, чтобы выиграть время.

– На рабочем месте свобода слова – табу. Нам нельзя выражать свое личное мнение ни по какому вопросу. Иначе ты прокаженный. Вот почему я держу рот на замке и все меня считают букой. Но я могу вам назвать множество других мест, где люди не желают слышать настоящую правду, по крайней мере от меня. Даже если восхищаются западной демократией, они предпочитают не заморачиваться и не думать о долге ответственных граждан перед лицом надвигающейся фашистской угрозы. Однако вы так и не ответили на мой вопрос.

Признаюсь вам здесь и сейчас, как я это уже делал *ad nauseam*⁶ перед моими *chers collègues*: хотя выражение «жопа глубже некуда» не входит в мой активный словарь, тема Брексита давно для меня что красная тряпка для быка. Я рожден и воспитан европейцем, в моих жилах течет французская, немецкая, английская и старая русская кровь, и в континентальной Европе я чувствую себя как дома, не хуже, чем в Баттерси. Касательно же позиции, что в транзитивной Америке доминируют белые расисты, мы с Эдом и здесь не сильно расходимся, как и многие мои *chers collègues*, хотя публично они предпочитают высказываться куда нейтральнее.

При всем при том я остерегался давать ему прямой ответ. Всегда возникает вопрос: вдруг это подстава? Не пытается ли он что-то из меня вытянуть или скомпрометировать? На что с абсолютной уверенностью я отвечаю отрицательно. Только не этот парень, ни в коем разе, исключено. Тогда второй вопрос: стоит ли игнорировать написанную от руки нашим китайским барменом, стариной Фредом, записку, прилепленную к зеркалу позади стойки: «НИКАКИХ РАЗГОВОРОВ О БРЕКСИТЕ»?

Наконец, я ведь не забыл, что являюсь государственным служащим, притом секретным, давшим клятву поддерживать политику правительства, если считать, что таковая имеется в наличии? Или сказать себе: передо мной смелый, честный парень, да, эксцентричный, не всем нравится, что даже к лучшему, зато сердце у него там, где положено, он желает быть услышанным, он всего на семь или восемь лет старше моей дочери с ее радикальными взглядами по любому вопросу и ко всему прочему очень неплохо играет в бадминтон?

Тогда придется добавить в эту гремучую смесь еще один ингредиент, который я только сейчас готов признать, хотя эта мысль дремала во мне со дня нашего удивительного знакомства. Я понимал, что становлюсь свидетелем довольно редкого в моей жизни явления, тем более в

⁶ До тошноты (лат.).

таком молодом человеке: внутренние убеждения, не продиктованные выгодой, или завистью, или местью, или бахвальством, – нет, настоящие убеждения, ни убавить ни прибавить.

Бармен Фред медленно и вдумчиво разливает охлажденное пиво по кружкам с логотипом клуба. Вот над такой запотевшей кружкой, склонив голову и поглаживая длинными пальцами округлые бока, завис Эд в ожидании моего ответа.

– Эд, – говорю я после долгой паузы, приличествующей серьезному обдумыванию. – Скажу так. Да, Брексит – это жопа глубже некуда, но вряд ли в наших силах повернуть часы вспять. Такой ответ вас устроит?

Не устроит, как мы оба понимаем. Моя так называемая вежливая пауза не идет ни в какое сравнение с затяжными зависаниями Эда, которые я со временем начинаю воспринимать как характерную особенность наших разговоров.

– А как насчет президента Трампа? – Он выделяет это имя так, словно речь идет о самом дьяволе. – Вы не считаете, как я, что он является угрозой и приговором всему цивилизованному миру плюс поощряет систематическую и ничем не ограниченную нацификацию Америки?

Наверное, я уже улыбаюсь, но это не находит отклика в угрюмом выражении лица моего собеседника, которому нужен вербальный ответ, а не успокоительные гримасы.

– Не в такой фундаментальной форме, но в принципе, да, Эд, здесь я с вами тоже согласен, если это может служить утешением, – говорю я мягко. – Но он ведь не будет президентом вечно, правда? И конституция его ограничивает, не давая полной свободы действий.

Но ему этого мало.

– А как вам все эти узколобые фанатики, которыми он себя окружил? Христиане-фундаменталисты, считающие, что это Иисус придумал жадность? Куда денутся они?

Я решаю отшутиться:

– Эд, когда уйдет Трамп, этих людей развеет ветром, как прах. Лучше давайте выпьем по второй.

Ну теперь-то точно должна последовать широкая улыбка, сметающая все лишнее. Но нет. Вместо этого ко мне через стол тянется здоровенная костлявая рука.

– Значит, мы на одной волне?

Я ее пожимаю со словами: да, мы на одной волне, и только тогда он уходит за второй порцией пива.

■

Последовал еще добрый десяток понедельничных игр с дальнейшими посиделками, и я ни разу не пытался отместить или затушевать все эти прямолинейные выпады. Иными словами, ни одна наша постбадминтонная встреча – начиная со второго матча, как помечено в моем ежедневнике, – за привычным *Stammtisch* не проходила без его политического монолога по животрепещущим вопросам.

Со временем он наострил. О самом первом грубоватом наскоке забыли. Эд не был грубым. Он просто сильно увлекался. Что, в свою очередь, – сейчас это легко признать – уводило в крайности. К четвертому матчу стало ясно, что он очень хорошо информирован и не пропускает ни одной широко обсуждаемой политической новости, будь то Брексит, Трамп, Сирия или еще какой-то долгосрочный конфликт. Для него это было настолько личным делом, что я поступил бы попросту негуманно, если бы попытался его заткнуть. Самый большой подарок молодым – наше время. То, чего я явно недодал Стеф, и, вероятнее всего, родители Эда тоже были не слишком щедры в этом отношении.

Моим *chers collègues* очень хотелось верить, что, даря ему свое время, я, таким образом, его раскручивал. Они указывали на нашу разницу в возрасте и мое «профессиональное обая-

ние». Чувств собачья. Эд сразу решил, что в его нехитром bestiarii я всего лишь ухо, готовое слушать, и с таким же успехом это мог быть сосед в автобусе. Что-то я не припоминаю случая, когда бы мое мнение, даже самое сочувственное, произвело на него хоть какое-то впечатление. Он был благодарен за то, что нашел слушателя, который не приходил в ужас, не возражал и просто не уходил пообщаться с кем-то другим. Уж не знаю, насколько бы его хватило в настоящем споре, чтобы не сорваться. То, что его точка зрения на любой предмет была мне очевидна еще до того, как он откроет рот, меня особо не волновало. Да, он заиклен на одной теме. Знакомая порода. Несколько раз я таких вербовал. Его интересует геополитика. Он умен – в жестких границах своих установок – и легко выходит из себя (хотя я не проверял), если их ставят под сомнение.

Какую выгоду я лично извлекал из наших отношений за пределами корта? К этому вопросу мои *chers collègues* возвращались постоянно. На допросах у меня не было готового ответа. Гораздо позже я вспомнил, как чувство моральной ответственности, исходившее от Эда, словно бы вызвало к моей совести, а затем следовала широкая, несколько пристыженная улыбка, которая как бы все отменяла. Все вместе это давало мне ощущение, будто я предоставляю убежище вымирающему виду. Что-то в этом роде я сказал Прю, когда предложил позвать его к нам выпить или пригласить на воскресный ланч. Но мою мудрую супругу это не убедило.

– Мне кажется, дорогой, что вы нашли друг друга. Оставь его себе, нечего мне к вам влезать.

Я воспользовался ее советом. Наша рутина оставалась неизменной до самого конца. Отбегавшись на корте, мы натягивали куртки, иногда заматывали шею шарфом и шли за свой *Stammtisch*, где проигравший сразу отправлялся к стойке бара. За столиком мы обменивались парочкой любезностей, порой вспоминали какой-нибудь розыгрыш. Он задавал мне расплывчатый вопрос о моей семье, я спрашивал, хорошо ли он провел выходные. Следовали вежливые ответы. Потом он умолкал в некотором ожидании, и я быстро научился не прерывать эту паузу, после чего звучал доклад дня. Я с ним соглашался или отчасти соглашался, в крайнем случае говорил: «Эй, тише, Эд», – и сопровождал это смешком старого и умудренного жизнью человека. Лишь изредка, и то в самом мягком тоне, я позволял себе поставить под сомнение особенно пикантное высказывание, но осмотрительно, помня о его уязвимости.

Иногда казалось, что это говорит не он, а кто-то другой. Голос, в норме довольно приятный, подсказывал на целую октаву и ненадолго зависал на дидактической нотке, но за это время я успевал по-думать: знакомый регистр, в духе Стеф. И спорить бесполезно, накатывает волна, а тебя словно и нет, лучше всего покивать в ожидании, что волна спадет сама собой.

А по существу? В каком-то смысле каждый раз один и тот же замес. Брексит – это самосожжение. Британцев ведет по краю пропасти кучка преуспевающих элитарных мародеров, выдающих себя за представителей народа. Трамп – антихрист, Путин – такой же. Для Трампа, богатенького мальчика, откосившего от армии, воспитанного в стране великой, хотя и не без изъянов, демократии, не может быть искупления ни в этой жизни, ни в следующей. Для Путина, никогда не знавшего демократии, вдали еще что-то мерцает. Так неконформистское прошлое Эда постепенно находило выражение в его словоизлияниях.

Как развивались события, Нат? – интересовались мои *chers collègues*. Его взгляды менялись? Не было ли у вас ощущения, что он готов сделать некое важное признание? Опять же мне нечем было их утешить. Может, он стал свободнее и разговорчивее, укрепившись в доверии к слушателю, то есть ко мне. Может, со временем я стал более дружелюбной аудиторией, хотя никакой враждебности с моей стороны и так вроде не было.

Но я готов признать: случались у нас за *Stammtisch* посиделки, когда меня отпускали разные заботы – Стеф, Прю, или что-то начудивший новый агент, или эпидемия гриппа, которая на пару недель оставила нас без передатчиков, – и я был почти весь внимание. В такие минуты я позволял себе поспорить с очередным радикальным утверждением – не столько для того,

чтобы его опровергнуть, сколько из желания несколько умерить бескомпромиссный тон Эда. В этом смысле – да... менялись не столько его взгляды, сколько мое отношение – я начал к нему привыкать – и его реакции, готовность иногда, пусть и неохотно, посмеяться над собой.

Но примите во внимание простую вещь, и это не попытка самооправдания, а констатация факта: я не всегда внимательно его слушал, а иногда и вовсе выключался. Если в Гавани была напряженка – а это случалось все чаще, – перед тем как идти за *Stammtisch*, я обязательно совал в задний карман служебный мобильник и украдкой проверял сообщения, пока Эд разглагольствовал.

А когда его монологи, по-юношески невинные и безапелляционные, совсем уж меня доставали, после прощального рукопожатия я не шел прямо домой к Прю, а выбирал обходной маршрут через парк, чтобы как-то привести мысли в порядок.

■

И последнее о том, что бадминтон значил для Эда и что он значит для меня. В глазах неверующих это смягченная версия сквоша для мужчин с избыточным весом, опасющихся инфаркта. Для истинно верующих это спорт номер один. Сквош – сплошные муки и страдания. Бадминтон – хитрость, терпение, скорость и невероятные спасения. Выпад из засады, пока волан описывает неторопливую дугу. В отличие от сквоша, бадминтону чужды социальные различия. Ему тесно в рамках привилегированной частной школы. Он далек от теннисного аллюра на открытом воздухе и от мини-футбола. Не начисляет очков за красивый замах. Не прощает ошибок. Бережет твои колени, но, говорят, ужасно вреден для тазобедренных суставов. Он требует более быстрых реакций, чем тот же сквош, и это доказанный факт. Здесь между игроками нет особой душевности, каждый, в общем-то, сидит в своей скорлупе. В глазах других спортсменов мы выглядим немного чужаками-одиночками.

Мой отец играл в бадминтон, когда служил в Сингапуре. Только одиночные партии. С армейскими, со мной. На нормандских пляжах во время летних отпусков. В Нёйи, через бельевую веревку вместо сетки, с фляжкой красного дерева, наполненной шотландским виски, в свободной руке. Бадминтон – лучшее, что он мне дал. Когда меня отправили с вещами в Шотландию, в эту ужасную школу-интернат, я там играл в бадминтон, как и он до меня, а впоследствии я выступал за свой университет. А когда уже служил в Конторе и ждал первого назначения в дальние страны, я подбил своих партнеров, и мы под кодовой кличкой «Диверсанты» бросали вызов новичкам.

А Эд? Как он обратился в истинную спортивную веру? Мы сидим за *Stammtisch*. Он глядит незамутненным взором в свою пивную кружку, как обычно делал, когда решал мировые проблемы, или гадал, что не так с его бэкхендом, или просто медитировал. Для него простых вопросов не существовало. До всего приходилось докапываться.

– В школе у нас была учительница физкультуры, – наконец отвечает он, широко осклабившись. – Как-то вечером повела меня и еще одного парня в свой клуб. Так и пошло. Короткая юбка и блестящие белые ляжки. Ага.

Глава 6

Вот, для сведения моих *chers collègues*, вся информация о жизни Эда вне корта, которую я успел почерпнуть до падения. Сейчас, когда я это записываю, меня бы удивил объем, если бы не вошедший в привычку профессиональный навык слушать и запоминать.

Родились они с сестрой, с разницей в десять лет, на севере Англии, в семье шахтеров, издавна принадлежавших к методистской церкви. Его дед в двадцать с небольшим приехал из Ирландии. Когда шахта закрылась, его отец занялся морской торговлей.

ЭД: *Я его практически не видел. В конце жизни заболел раком, болезнь как будто поджидала его дома.*

Отец, правоверный коммунист, сжег свой членский билет после вторжения Советского Союза в Афганистан в 1979 году. Похоже, Эд ухаживал за ним, когда тот лежал на смертном одре.

После смерти отца семья перебралась поближе к Донкастеру. Эд поступил в среднюю школу; не спрашивайте меня, как она называлась. Его мать все свободное от работы время проводила на образовательных курсах для взрослых, пока эти курсы не закрылись.

ЭД: *У мамы были мозги, которые ей никогда не давали применить, плюс еще Лора на руках.*

Лора – его младшая сестра, ребенок с ограниченными возможностями – испытывала трудности с обучением.

В восемнадцать лет Эд отрекся от христианской веры ради «общего гуманизма», который я бы назвал нонконформизмом без бога, но из чувства такта помалкивал.

После школы он поступил в университет – какой именно, я не знаю. Компьютерные технологии, немецкий язык факультативно. О полученной степени не докладывал; скорее всего, средняя.

Что касается девушек, то для Эда это была деликатная тема, и без приглашения я в нее свой нос не совал. То ли он им не нравился, то ли они ему. Подозреваю, что живой интерес к международным отношениям и некоторая чужаковатость делали из него непростого спутника жизни. Подозреваю также, что он не понимал силы своего обаяния.

Ну а друзья-мужчины, с которыми он занимался в спортзале, вместе бегал, или крутил педали, или сиживал в пабах? Эд при мне ни разу не упомянул ни одного такого, и я сомневаюсь, что они вообще существовали. Сдается мне, свое одиночество он подсознательно носил на груди, как такой знак почета.

Обо мне он услышал по сарафанному радио, выбрал в качестве своего постоянного оппонента и не собирался ни с кем делить.

Когда однажды у меня появился повод спросить, зачем он пошел в массмедиа, если ему так не нравится эта работа, первый ответ прозвучал уклончиво.

ЭД: *Прочитал где-то объявление, пришел на собеседование. Предложили написать что-то вроде тестового задания. Ладно, говорят, вы нам подходите. И всё, ага.*

Я поинтересовался, есть ли у него коллеги близкие по духу, на что он просто помотал головой – видимо, не придавал этому вопросу значения.

Ну а какие-то хорошие новости в одинокой вселенной Эда, на мой взгляд, были? Германия и еще раз Германия.

Он был основательно повернут на Германии. Наверное, я и сам чуток повернут в ту же сторону – через мамину неоднозначную генетику. Эд год проучился в Тюбингене и еще пару лет работал в Берлине на свою медийную компанию. Германия – ммм, пальчики оближешь. Немцы – лучшие европейцы. Никакая другая нация не сравнится с ними в понимании, что такое Европейский союз, вещал Эд. У него была мысль все обрубить и начать там новую жизнь,

но не сложилось с девушкой, аспиранткой Берлинского университета. Именно благодаря ей, насколько я могу судить, он стал изучать историю подъема германского национализма в двадцатых годах прошлого столетия – ее специализация. Можно предположить, что именно из этих поверхностных штудий он вывел пугающие параллели между европейскими диктаторами и Дональдом Трампом. Стоило только коснуться сего предмета, и остановить его было уже невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.